

ФЛАВИЯ де ЛЮС

ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ



— сорняк, —
ОБВИВШИЙ
СУМКУ ПАЛАЧА
АЛАН БРЭДЛИ

Загадки Флавии де Люс

Алан Брэдли

Сорняк, обвинивший сумку палача

«АСТ»

2011

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)

Брэдли А.

Сорняк, обвивший сумку палача / А. Брэдли — «АСТ»,
2011 — (Загадки Флавии де Люс)

«В тихом омуте черти водятся» – эта пословица точно характеризует эксцентричную семейку, обитающую в старинном поместье Букшоу. Отец, повернутый на марках, чокнутая тетушка и две сестрицы: ханжа и синий чулок – как прикажете развлекаться юной сыщице в такой компании? Расследование нелепой смерти заезжего кукольника открывает другие мрачные тайны, о которых уже давно никто не вспоминал, – отличное времяпрепровождение. Несколько лет назад в лесу обнаружили повешенного мальчика, полиция так и не смогла выяснить, несчастный случай это или убийство... Каково же было удивление, когда в театральной постановке личико куклы оказалось копией погибшего Робина! Хороший способ потренироваться в дедукции, пользуясь любимым увлечением – химией и ядами.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)

© Брэдли А., 2011
© АСТ, 2011

Содержание

1	8
2	15
3	20
4	24
5	30
6	36
7	42
8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алан Брэдли

Сорняк, обвивший сумку палача

Alan Bradley

The Weed That Strings The Hangman's Bag

Originally published in UK by Orion Books, London

The book was negotiated through Banke, Goumen and Smirnova
Literary Agency (www.bgs-agency.com) and The Bukowski Agency
(www.bukowskiagency.com)

Copyright © 2011 by Alan Bradley

© Измайлова Е. Г., перевод, 2011

© ООО «Издательство АСТ»



Снова посвящается Ширли

Сыну

Три вещи есть, не ведающих горя,

Пока судьба их вместе не свела.
Но некий день их застигает в сборе,
И в этот день им не уйти от зла.

Те вещи: роща, поросль, подросток.
Из леса в бревнах виселиц мосты.
Из конопли веревки для захлесток.
Повеса ж и подросток – это ты.

Заметь, дружок, им врозь не нарезать.
В соку трава, и лес, и сорванец.
Но чуть сойдутся, скрипнет половица,
Струной веревка – и юнцу конец¹.

Сэр Уолтер Рэли

¹ Перевод Б. Пастернака (здесь и далее – примечания переводчика). Стихи в романе даются в переводах на русский в тех случаях, если есть опубликованные варианты, в противном случае оставлен оригинал на английском.

1

Трупом я лежала на церковном дворе. Целый час прошел после того, как последний из присутствующих на похоронах произнес свое печальное «прощай».

В двенадцать часов, ровно в то время, когда мы обычно садились обедать, из Букшоу выдвинулось шествие: мой полированный гроб розового дерева вынесли из гостиной, медленно спустили по широким ступеням к подъездной аллее и с разрывающей сердце легкостью плавно вдвинули в открытую дверь ожидающего катафалка, раздавив букетик полевых цветов, который туда бережно поместил кто-то из горюющих поселян.

Затем была долгая поездка по каштановой аллее к Малфордским воротам, свирепые грифоны на которых смотрели в сторону, когда мы их миновали, хотя печаль это была или апатия – я никогда не узнаю.

Доггер, преданный слуга моего отца, размеренно шагал рядом с неторопливым катафалком, склонив голову и легко положив руку на крышку, словно для того, чтобы защитить мои бренные останки от чего-то видимого только ему. У ворот кто-то из гробовщиков наконец жестами убедил его сесть в автомобиль.

И так они привезли меня в деревню Бишоп-Лейси, угрюмо миновав те самые зеленые тропинки и пыльные изгороди, где я каждый день ездила на велосипеде при жизни.

На переполненном кладбище Святого Танкреда меня бережно сняли с катафалка и понесли по извилистой тропинке под липами. Здесь меня на миг опустили на свежескошенную траву.

Затем у разверстой могилы отслужили заупокойную службу, и в голосе vicaria звучала нотка искренней скорби, когда он произносил традиционные слова.

Первый раз я слушала заупокойную службу с такой выгодной позиции. В прошлом году мы с отцом посетили похороны старого мистера Дина, деревенского зеленщика. Его могила располагалась всего в нескольких ярдах от того места, где я сейчас лежала. Она уже просела, оставив лишь прямоугольную впадину в траве, которую чаще всего заполняла стоячая дождевая вода.

Моя старшая сестра Офелия заявила, что она осела, потому что мистер Дин воскрес и больше не присутствует там в телесном виде, в то время как Дафна, моя другая старшая сестра, сказала, что это потому, что он провалился в более старую могилу, чей обитатель рассыпался в прах.

Я подумала о супе из костей внизу: суп, в котором я стану просто очередным ингредиентом.

Флавия Сабина де Люс, 1939–1950 – вот что они начертаят на моем надгробии, скромном и элегантном сером мраморе, и никаких фальшивых сантиментов.

Жаль. Если бы я прожила достаточно долго, я бы оставила письменные инструкции, повелев запечатлеть строчки из Вордсворта:

*Ее узнать никто не мог,
И мало кто любил².*

А если бы они начали артачиться, в качестве второго варианта я бы предложила:

Truest hearts by deeds unkind

² Цитата из душераздирающего стихотворения У. Вордсворта «Люси» о юной девушке, умершей во цвете лет, не познав любви. В переводе С. Я. Маршака.

To despair most inclined³.

Только Фели, певшая и игравшая эти строки на фортепиано, признает в них строчки из «Третьей книги арий» Томаса Кэмпiona, но ее будут так глодать вина и скорбь, что она никому не скажет.

Мои размышления нарушил голос викария:

«...земля к земле, пепел к пеплу, прах к праху, в надежде на воскрешение к вечной жизни благодаря Господу нашему Иисусу Христу; он превратит наше бренное тело...»

И вдруг они ушли, оставив меня одну – одну, слушать червяков.

Вот он: конец пути для бедной Флавии.

Сейчас семейство уже вернулось в Букшоу, собралось за длинным узким обеденным столом: отец восседает в привычном каменном молчании, Даффи и Фели с убитым видом обнимают друг друга, едва сдерживая слезы, а миссис Мюллет, наша кухарка, вносит большое блюдо с запеченным мясом.

Я припомнила, как Даффи однажды сказала мне, зачитываясь «Одиссеей», что запеченное мясо в Древней Греции было традиционным яством на похоронах, а я ответила, что, с точки зрения миссис Мюллет, за две с половиной тысячи лет почти ничего не изменилось.

Но сейчас, когда я мертва, возможно, мне следует поупражняться в снисходительности.

Доггер, разумеется, останется безутешен. Дорогой Доггер: дворецкий, он же шофер, он же камердинер, он же садовник, он же управляющий поместьем, бедная замкнувшаяся в панцирь душа, способности которой ослабевали и усиливались, словно приливы Северна; Доггер, который недавно спас мне жизнь и забыл об этом на следующее утро. Мне будет ужасно его не хватать.

И мне будет не хватать моей химической лаборатории. Я подумала о золотых часах, которые я провела в заброшенном крыле Букшоу, в блаженном одиночестве посреди колб, реторт и жизнерадостно булькающих пробирок и мензурок. Подумать только, я больше никогда их не увижу. Это почти невыносимо.

Я прислушалась к поднимающемуся ветру, шептавшему над головой в ветвях тисов. Здесь, в тени башни Святого Танкреды, холодало, и скоро стемнеет.

Бедная Флавия! Бедная каменная-ледяная-мертвая Флавия!

Сейчас Фели и Даффи, должно быть, жалеют, что так по-свински обращались со своей младшей сестрой за ее краткие одиннадцать лет на этой земле.

При этой мысли слеза потекла по моей щеке.

Ожидает ли меня Харриет, чтобы приветствовать на небесах?

Харриет – моя мать, погибшая во время несчастного случая в горах через год после моего рождения. Узнает ли она меня десять лет спустя? Будет ли одета в тот же альпинистский костюм, или она сменила его на нечто белое?

Что ж, как бы там ни было, я знаю, что это будет стильно.

Внезапно раздалось громкое хлопанье крыльев: звук, отразившийся от каменной стены церкви, усиленный полуакром витражного стекла и покосившимися надгробиями, окружавшими меня. Я застыла.

Может быть, это ангел – или, что более вероятно, архангел – снисходит, дабы вознести драгоценную душу Флавии в рай? Если я чуть-чуть приоткрою глаза, то увижу сквозь ресницы, правда нечетко.

³ Преданнейшие сердца более всего склонны к отчаянию из-за недобрых дел.

Не повезло: это оказалась потрепанная галка из тех, что вечно летают около Святого Танкреда. Эти бездельницы свили гнездо в башне еще в XIII веке, когда каменщики собрали свои инструменты и уехали отсюда.

Теперь дурацкая птица неуклюже взгромоздилась на верхушку мраморного пальца, указывающего в небеса, и холодно меня рассматривала яркими смешными глазами-пуговицами, склонив голову набок.

Галки никогда не учатся на своих ошибках. Не важно, сколько раз я проделывала с ними этот трюк, они всегда рано или поздно, хлопая крыльями, слетали с башни любопытствовать. Для примитивного мозга галки любое тело, горизонтально лежащее на кладбище, означало одно: пищу.

Как я делала уже дюжину раз, я вскочила на ноги и метнула камень, спрятанный в кулаке. Я промахнулась – но я почти всегда промахивалась.

С презрительным «кар» эта тварь взлетела в воздух и понеслась за церковь, в сторону реки.

Встав на ноги, я осознала, что голодна. Естественно! Я не ела с завтрака. На миг я слегка призадумалась, быть может, я найду оставшиеся пироги с джемом или кусок торта на церковно-приходской кухне. Дамы Алтарной гильдии Святого Танкреда собирались вчера, и шанс есть.

Пробираясь сквозь траву по колено, я услышала необычное сопение и на мгновение подумала, что нахальная галка вернулась, чтобы сказать свое последнее слово.

Я остановилась и прислушалась.

Ничего.

И затем оно снова прозвучало.

Иногда я считаю проклятием, а иногда благословением то, что я унаследовала острый слух Харриет, поскольку я могу, как люблю рассказывать Фели, слышать то, от чего у вас волосы дыбом встанут. Один из звуков, которые я особенно четко улавливаю, – это плач.

Он доносился из северо-восточного угла церковного кладбища – откуда-то из окрестностей деревянного сарая, где могильщик хранил инструменты для копания могил. Я медленно подкрадывалась на цыпочках, а звук становился все громче: кто-то умеет здорово рыдать в старомодной манере, сногшибательной и душераздирающей.

Простой факт природы: в то время как большинство мужчин пройдут мимо плачущей женщины, словно у них шторы на глазах, а в ушах песок, ни одна женщина не может равнодушно слышать звук, означающий, что у кого-то горе, и не устремиться немедленно на помощь.

Я украдкой глянула за черную мраморную колонну и увидела ее, она, растянувшись во весь рост, лежала лицом вниз на плите из известняка, рыжие волосы растеклись по стершейся надписи, будто ручейки крови. Если бы не сигарета, стильно торчавшая между ее пальцами, ее можно было бы принять за рисунок кого-то из прерафаэлитов вроде Берн-Джонса. Я вмешалась почти с сожалением.

– Привет, – сказала я. – Вы в порядке?

Еще один простой факт природы – подобные разговоры вечно начинаются с чрезвычайно глупой фразы. Я пожалела в тот же момент, когда произнесла ее.

– О! Разумеется, я в порядке, – вскрикнула она, вскакивая на ноги и утирая глаза. – С чего это ты подкрадываешься ко мне таким образом? Ты вообще кто?

Резко дернув головой, она отбросила волосы назад и выпятила подбородок. У нее были высокие скулы и впечатляюще треугольное лицо звезды немого кино, и по ее оскалу я определила, что она испугана.

– Флавия, – представилась я. – Меня зовут Флавия де Люс. Я живу неподалеку – в Букшоу. Я ткнула большим пальцем в приблизительном направлении.

Она продолжала вглядываться в меня, словно женщина во власти ночного кошмара.

– Простите, – продолжила я. – Я не хотела пугать вас.

Она выпрямилась во весь рост – не выше пяти футов и пары дюймов – и сделала шаг ко мне, словно вспыхивающая версия Венеры Боттичелли, которую я однажды видела на коробке из-под печенья «Хантли и Палмерс».

Я упрямо стояла на месте, изучая ее платье. Оно было сшито из кремового хлопка, с корсетом в оборках и расширяющейся книзу юбкой, все разрисованное множеством крошечных цветочков – красных, желтых, синих и ярко-оранжевых, как маки, и я не могла не заметить, что подол заляпан слегка подсохшей грязью.

– В чем дело? – поинтересовалась она, взволнованно затягиваясь сигаретой. – Никогда раньше не видела знаменитость?

Знаменитость? Я понятия не имела, кто она такая. Я подумала было сказать ей, что действительно видела кое-кого знаменитого, и это был Уинстон Черчилль. Отец показал мне его, когда мы ехали в лондонском такси. Черчилль стоял перед «Савоем», засунув большие пальцы в карманы жилета и разговаривая с мужчиной в желтом макинтоше. «Старый добрый Уинни», – выдохнул отец, словно сам себе.

– О, какой в этом прок! – воскликнула женщина. – Чертово место... чертовы люди... Чертовы автомобили... – И она снова зарыдала.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – поинтересовалась я.

– О, уйди и оставь меня в покое, – всхлипнула она.

Ну и ладно, подумала я. На самом деле я подумала кое-что другое, но поскольку я стараюсь стать лучше...

Я постояла еще миг, слегка подавшись вперед, чтобы рассмотреть, вступают ли ее капающие слезы в реакцию с пористой поверхностью надгробия. Слезы, насколько мне известно, состоят преимущественно из воды, хлористого натрия, марганца и калия, а известняк в основном из кальцита, растворяющегося в хлористом натрии, – но только при высоких температурах. Та к что если температура на кладбище Святого Танкреда не возрастет внезапно на несколько сот градусов, маловероятно, что здесь произойдет что-то с химической точки зрения любопытное.

Я отвернулась и пошла прочь.

– Флавия...

Я оглянулась. Она протягивала ко мне руку.

– Извини, – сказала она. – Просто у меня был ужасный день, с самого утра.

Я остановилась, затем медленно, осторожно зашагала обратно, в то время как она утирала глаза тыльной стороной ладони.

– Для начала, Руперт был в отвратительном настроении, еще до того, как мы уехали из Стоутмура. Боюсь, мы поссорились из-за пустяка, а потом еще фургон – это просто стало последней каплей. Он ушел, чтобы найти кого-нибудь, кто его починит, а я... что ж, вот я здесь.

– Мне нравятся ваши рыжие волосы, – сказала я. Она тут же прикоснулась к ним и улыбнулась, почему-то я знала, что она так делает.

– Морковкина верхушка, меня так дразнили, когда я была в твоём возрасте. Морковкина верхушка! Подумать только!

– Верхушки моркови зеленые, – заметила я. – Кто такой Руперт?

– Кто такой Руперт? – переспросила она. – Ты шутишь!

Она ткнула пальцем, и я повернулась посмотреть: на узкой тропинке в углу кладбища стоял ветхий фургон – «остин-8». На его крыле броскими золотыми буквами, все еще различимыми, несмотря на толстый слой грязи и пыли, были слова «Куклы Порсона».

– Руперт Порсон, – пояснила она. – Все знают Руперта Порсона. Руперт Порсон и белка Снодди – в «Волшебном королевстве». Ты что, не видела его по телевизору?

Белка Снодди? «Волшебное королевство»?

– У нас в Букшоу нет телевизора, – сказала я. – Отец считает, что это грязное изобретение.

– Твой отец – необычайно мудрый человек, – произнесла она. – Твой отец, без сомнения...

Ее прервало металлическое дребезжание болтающегося щитка цепи, когда викарий, покачиваясь, вырулил из-за угла церкви. Он слез и прислонил свой выдавший виды «рэли»⁴ к ближайшему надгробию. Пока он шел к нам, я размышляла над тем, что каноник Дэнвин Ричардсон не являет собой образ типичного сельского викария. Он крупный, широколицый и добродушный, и, если бы у него были татуировки, его можно было бы принять за капитана одного из тех проржавевших бродячих пароходов, которые устало тащатся из одного купающегося в солнце порта в другой по бог знает каким колониям, еще оставшимся у Британской империи.

Его черное церковное облачение было перепачкано и покрыто полосами известковой пыли, как будто он падал с велосипеда.

– Проклятье! – сказал он, заметив меня. – Я потерял велосипедный зажим для брюк и порвал брючину в клочья, – и затем, отряхнувшись по пути к нам, он добавил: – Синтия убьет меня.

Глаза женщины расширились, и она бросила на меня быстрый взгляд.

– Недавно она выцарапала иголкой мои инициалы на всех моих вещах, – продолжил он, – но это не помогло мне не терять вещи. На прошлой неделе – листы для гектографа⁵ для приходского бюллетеня, за неделю до этого – медную дверную ручку от ризницы. Это поистине сводит с ума. Привет, Флавия, – поздоровался он. – Всегда рад видеть тебя в церкви.

– Это наш викарий, каноник Ричардсон, – пояснила я рыжеволосой женщине. – Возможно, он сможет помочь.

– Дэнвин, – представился викарий, протягивая руку незнакомке. – После войны мы не особенно придерживаемся церемоний.

Женщина подала два или три пальца, касаясь его ладони, но ничего не сказала. Когда она вытянула руку, короткий рукав ее платья соскользнул, и я мельком увидела безобразный зелено-пурпурный синяк на верхней части руки. Она торопливо прикрыла его левой рукой, потянув вниз хлопковую ткань.

– Чем могу помочь? – поинтересовался викарий, делая жест в сторону фургона. – Нечасто мы в нашем маленьком пасторальном болоте оказываем содействие августейшему театральному народу.

Она храбро улыбнулась.

– Наш фургон сломался – или что-то в этом роде. Барахлит карбюратор. Если бы дело было связано с электрикой, уверена, Руперт починил бы его в мгновение ока, но, боюсь, то, что относится к топливу, – это выше его сил.

– Голубушка, голубушка, – сказал викарий. – Я уверен, Берт Арчер в гараже все вам сделает. Я позвоню ему, если хотите.

– О нет, – быстро возразила женщина, может быть, *слишком* быстро, – мы не хотим вас так утруждать. Руперт пошел на центральную улицу. Наверняка он уже нашел кого-то.

– Если бы нашел, он бы уже вернулся, – заметил викарий. – Давайте я позвоню Берту. Он частенько дремлет дома после обеда. Он не так молод, как прежде, да и все мы, если на то пошло. Тем не менее излюбленная моя максима в том, что – это касается и двигателей, даже послушных, – благословение церкви никогда не повредит.

– О нет. Столько беспокойства. Уверена, у нас все будет в порядке.

⁴ «Рэли» – британская марка велосипедов, одна из старейших в мире.

⁵ Гектограф – предок ксерокса, копировальный аппарат, на котором можно было сделать до ста копий (отсюда и название).

– Чепуха, – сказал викарий, уже пробираясь сквозь лес могильных камней и на полной скорости направляясь к дому приходского священника. – Никаких проблем. Вернусь мигом.

– Викарий! – окликнула женщина. – Пожалуйста!

Он остановился на полпути и неохотно вернулся к нам.

– Дело в том... Понимаете, мы...

– Ага! Вопрос в деньгах, значит? – сказал викарий.

Она печально кивнула, склонив голову, рыжие волосы каскадом рассыпались по лицу.

– Уверен, что можно что-то придумать, – сказал викарий. – А! Вот и ваш муж.

Через церковный двор скособоченной поступью к нам ковылял коротышка с непропорционально большой головой, его правая нога при каждом шаге раскачивалась, описывая большой неуклюжий полукруг. Когда он подошел ближе, я увидела, что его голень сжимает тяжелая железная подпорка.

Должно быть, ему за сорок, хотя точно определить сложно.

Несмотря на очень маленький рост, его бочкообразная грудная клетка и мощные руки, казалось, сейчас порвут сковывающий их костюм из сирсакера⁶. Наоборот, его правая нога внушала жалость: судя по тому, как брюки свободно болтались вокруг того, что под ними, я могла определить, что она тонкая, как спичка. Со своей большой головой он напоминал мне гигантского осьминога, бредущего на неровных щупальцах по церковному двору.

Пошатываясь, он остановился и почтительно приподнял шоферскую фуражку, демонстрируя буйную гриву светлых волос, в точности соответствующих его вандейковской эспаньолке.

– Руперт Порсон, я полагаю? – произнес викарий, обмениваясь с новоприбывшим радушным приветственным рукопожатием. – Я Дэнвин Ричардсон, а это мой юный друг Флавия де Люс.

Порсон кивнул мне и бросил почти незаметный молниеносный мрачный взгляд на женщину, перед тем как на полную мощность включить улыбку-прожектор.

– Проблемы с двигателем, я понимаю, – продолжил викарий, – кого угодно выведут из себя. Хотя, поскольку они привели к нам создателя «Волшебного королевства» и белки Снодди, это лишь подтверждает старый афоризм, не так ли?

Он не уточнил, какой именно старый афоризм имеет в виду, но никто и не спросил.

– Я собирался сказать вашей жене, – говорил викарий, – что святой Танкред сочтет за честь, если вы согласитесь поставить небольшое представление в приходском зале, пока ремонтируют ваш фургон. Разумеется, я понимаю, должно быть, вы очень востребованы, но я буду ругать себя, если не сделаю хотя бы попытку доставить радость детям – да и взрослым тоже! – Бишоп-Лейси. Хорошо время от времени позволять детям совершать набеги на свои копилки ради достойных культурных поводов, вы согласны?

– Что ж, викарий, – произнес Порсон медоточивым голосом, слишком мощным, слишком звучным, слишком сладким для такого крошечного человека, подумала я. – У нас действительно весьма плотный график. Наши гастроли были убийственными, понимаете ли, и лондонские спектакли...

– Я понимаю, – сказал викарий.

– Но, – добавил Порсон, драматично подняв указательный палец, – ничто не доставит нам большего удовольствия, чем если нам позволят выступить в обмен на ужин, как прежде. Разве не так, Ниалла? Это будет как в давние времена.

Женщина кивнула, но ничего не сказала. Она пристально смотрела на холмы вдаль.

⁶ Сирсакер – легкая жатая ткань в полоску.

– Ну что ж, – подытожил викарий, энергично потирая руки, словно он добывал огонь, – решено. Пойдемте, я покажу вам зал. Он довольно невзрачный, но славится своей сценой, и акустика, как говорят, там замечательная.

С этими словами двое мужчин скрылись за углом церкви.

На миг повисло ощущение, что говорить не о чем. Затем женщина сказала:

– У тебя случайно нет сигареты? Умираю, так курить хочу.

Я отрицательно покачала головой с довольно идиотским видом.

– Хмм, – протянула она. – У тебя вид ребенка, который вполне может иметь при себе сигареты.

Первый раз в жизни я не нашлась что сказать.

– Я не курю, – выдавила я.

– И почему же? – поинтересовалась она. – Слишком молода или слишком мудра?

– Я размышляла, не начать ли мне на следующей неделе, – запинаясь, ответила я. – Просто она еще не наступила.

Она откинула голову и расхохоталась во весь рот, словно кинозвезда.

– Ты мне нравишься, Флавия де Люс, – объявила она. – Но у меня есть преимущество, не так ли? Ты сказала мне, как тебя зовут, а я тебе нет.

– Ниалла, – сказала я. – Мистер Порсон назвал вас Ниаллой.

Она протянула руку с серьезным лицом.

– Верно, – согласилась она, – он так сказал. Но ты можешь звать меня Матушкой Гусыней.

2

Матушка Гусыня!

Меня никогда не интересовали легкомысленные замечания, особенно когда их делают посторонние, и, в частности, я не дала бы за них и лягушкиной задницы, когда они исходят от взрослого. По моему опыту, дурацкие шуточки в устах того, кто не настолько глуп, часто являются не более чем маскировкой чего-то намного, намного худшего.

И тем не менее, несмотря на это, я поймала себя на том, что проглатываю резкую и восхитительно ядовитую остроту, уже крутившуюся на кончике языка, и вместо нее выдавливаю жалкую улыбку.

– Матушка Гусыня? – с сомнением повторила я.

Она снова ударилась в слезы, и я порадовалась, что попридержала язык. Я вот-вот получу немедленное вознаграждение в виде кое-чего пикантного.

Кроме того, я уже начала ощущать легкую, хоть и незаметную эмпатию с этой женщиной. Может, это жалость? Или страх? Я не могла понять, я только знала, что какая-то глубоко спрятанная химическая субстанция внутри одной из нас действительно нуждалась в своем давно утраченном дополнении – или противоядии? – внутри другой.

Я ласково положила ладонь ей на плечо и протянула носовой платок. Она взглянула на него скептически.

– Все в порядке, – уверила я. – Это просто пятна от травы.

Это повергло ее в поразительную истерику. Она спрятала лицо в платок, и ее плечи затряслись так неистово, что на миг я подумала, что она развалится на части. Чтобы дать ей время прийти в себя – и потому что я пришла в изрядное замешательство от ее взрыва, – я отошла недалеко, чтобы рассмотреть надпись на высоком стершемся надгробии, отмечавшем могилу Лидии Грин, которая «умирала» в 1638 году в возрасте «ста тридцати пяти лет».

«Аднажды она зелена была, аднако ныне вся бела, говорилося там, и мало кто рыдает за нее».

Если бы Лидия до сих пор жила, прикинула я, ей было бы сейчас четыреста сорок семь лет, и, вероятно, с такой персоной стоило бы познакомиться.

– О, я чувствую себя такой дубиной.

Я повернулась и увидела, что женщина утирает глаза и подавленно улыбается мне.

– Меня зовут Ниалла, – сказала она, протягивая руку. – Ассистент Руперта.

Я поборола отвращение и пожала ее пальцы кратким, как молния, движением. Как я и подозревала, ее ладонь была влажной и липкой. Как только позволили приличия, я спрятала руку за спину и вытерла ее о юбку.

– Ассистент? – Слово выскочило у меня изо рта, не успела я его удержать.

– О, я знаю, викарий предположил, что я жена Руперта. Но ничего такого. Честно! Вовсе не так.

Я непроизвольно глянула на фургон «Куклы Порсона». Она сразу же уловила.

– Ну да... Мы и правда путешествуем вместе. Полагаю, нас с Рупертом объединяет то, что ты могла бы назвать... очень сильной привязанностью друг к другу. Но муж и жена...

Она меня за идиотку держит, что ли? Не прошло и недели с тех пор, как Даффи читала вслух мне и Фели «Оливера Твиста», и я знала так же верно, как свое имя, что эта женщина, Ниалла, была Нэнси для Билла Сайкса в лице Руперта Порсона. Разве она не поняла, что я заметила грязный синячище на ее руке?

– Это такое удовольствие – блуждать по Англии с Рупертом. Его узнают повсюду, куда мы приходим, знаешь ли. Не далее чем позавчера, например, мы играли на ярмарке в Селби, и на почте нас опознала полная леди в шляпе с цветами. «Руперт Порсон! – закричала она. – Руперт

Порсон пользуется королевской почтой, как другие люди!» – Ниалла засмеялась. – А потом она стала умолять его об автографе. Так всегда, видишь ли. Настояла, чтобы он написал: «С наилучшими пожеланиями от белки Снодди». Когда он так подписывается, он всегда рисует несколько орешков. Она заявила, что это для племянницы, но я-то знаю. Когда путешествуешь так много, развиваешь определенное чутье на такие вещи. Можешь всегда понять.

Она продолжала щебетать. Если я и дальше буду молчать, не далее как через минуту она признается, какой у нее размер трусиков.

– Кто-то на «Би-би-си» рассказал Руперту, что двадцать три процента его аудитории – это бездетные домохозяйки. Немало, не так ли? Но в «Волшебном королевстве» есть что-то такое, что удовлетворяет природную жажду побега. Именно так они и сказали Руперту: «природная жажда побега». Каждый хочет сбежать, не так ли? Тем или иным способом, имею в виду.

– Каждый, за исключением Матушки Гусыни, – заметила я.

Она рассмеялась.

– Послушай, я не морочу тебе голову. Я действительно Матушка Гусыня. По крайней мере, когда надеваю костюм. Подожди, пока не увидишь, – высокий остроконечный колпак со свисающими полями и серебряной пряжкой, седой парик с развевающимися локонами и просторное пышное платье, которое выглядит так, будто когда-то его носила матушка Шиптон. Ты знаешь, кто такая матушка Шиптон?

Разумеется, я знала. Одна старая карга, которая, как утверждали, жила в XVI веке и предсказывала будущее, помимо прочего, предвидев Великую чуму, Большой лондонский пожар, аэропланы, линкоры и конец света в 1881 году; подобно Нострадамусу мамаша Шиптон изрекала свои пророчества плохими виршами: «Огонь и вода сотворят чудеса» и тому подобное. Также я знала, что и сегодня есть люди, которые верят, что она предвидела использование тяжелой воды в создании атомной бомбы. Что до меня, я не верила ни единому ее слову. Старушечий бред сивой кобылы.

– Я слышала это имя, – сказала я.

– Не важно. Это на нее я похожа, когда принаряжаюсь для представления.

– Блестяще, – сказала я, хотя не имела это в виду. Она могла заметить, что я хочу отделаться от нее.

– Что милая девочка вроде тебя делает в месте вроде этого? – спросила она с усмешкой, обведя церковное кладбище взмахом руки.

– Я часто прихожу сюда поразмыслить, – ответила я.

Это, кажется, позабавило ее. Она поджала губы и имитировала отрепетированный сценический голос:

– И о чем Флавия де Люс размышляет на этом чудном старом сельском кладбище?

– Об уединении, – выпалила я, не желая быть намеренно грубой. Я просто сказала правду.

– Об уединении, – повторила она, кивнув. Я поняла, что мой колючий ответ не оттолкнул ее. – Об уединении многое можно сказать. Но ты и я знаем, не так ли, Флавия, что уединение и одиночество – не одно и то же?

Я слегка обрадовалась. Наконец-то я встретила человека, который кажется, задумывался иногда о тех же вещах, что и я.

– Нет, – признала я.

Повисло долгое молчание.

– Расскажи мне о своей семье, – наконец тихо попросила Ниалла.

– Рассказывать особо нечего, – сказала я. – У меня есть две сестры, Офелия и Дафна. Фели семнадцать лет, а Даффи тринадцать. Фели играет на фортепиано, Даффи читает. Отец – филателист. Он очень привязан к своим маркам.

– А ваша мать?

– Мертва. Она погибла от несчастного случая, когда мне был год.

– Господи! – воскликнула она. – Кто-то рассказывал мне о семействе, живущем в огромном запущенном старом особняке неподалеку отсюда: эксцентричный полковник и выводок девиц, бегающих повсюду, словно краснокожие индейцы. Ты не одна *из них*, а?

По выражению моего лица она тут же поняла, что да.

– О, бедная крошка! – сказала она. – Прости, я не хотела... Я хочу сказать...

– Все нормально, – перебила ее я. – На самом деле все обстоит намного хуже, но я не люблю об этом говорить.

Я увидела, как в ее взгляде появилась растерянность: выражение глаз взрослого человека, отчаянно барахтающегося в поисках почвы для взаимного понимания с ребенком.

– Но чем ты занимаешься? – спросила она. – Разве у тебя нет никаких интересов... или хобби?

– Я увлечена химией, – рассказала я, – и люблю собирать газетные вырезки в альбом.

– Правда? – Она пришла в восторг. – Чудесно! В твоём возрасте я тоже это любила. Картинки, вырезанные из сигаретных пачек; и засушенные цветы: анютины глазки, резеда, наперстянка, дельфиниум; старые пуговицы, валентинки, стихи о бабушкиной прялке из «Девичьего ежегодника»... Чудесное развлечение!

Мои собственные альбомы состояли из трех пухлых бордовых томов с вырезками из океана древних журналов и газет, который залил, а потом затопил библиотеку и гостиную в Букшоу, выплеснувшись в неиспользуемые спальни и комнаты, где хранили ненужную мебель, перед тем как их, наконец, влажными гниющими стопками не сложили в тайник в подвале. С их страниц я бережно вырезала все, что смогла найти о ядах и отравителях, пока мои альбомы не начали трещать по швам от описаний склонностей майора Герберта Роуза Армстронга, любителя-садовода и адвоката, отправившего на тот свет свою жену с помощью заботливо приготовленного зелья из содержащего мышьяк гербицида; Томаса Нейла Крима⁷, Хоули Харви Криппена⁸ и Джорджа Чепмена⁹ (поразительно, не так ли, что имена столь многих отравителей начинаются с английской буквы С?), которые с помощью стрихнина, скополамина и сурьмы соответственно отправили целую армию жен и других женщин в могилу; Мэри Энн Коттон (понимаете, о чем я?), которая, после нескольких успешных опытных прогонов на свиньях перешла к отравлению семнадцати человек мышьяком¹⁰; Дейзи де Мелкер, женщины из Южной Африки со страстью к водопроводчикам: сначала она выходила за них замуж, а потом разводилась с помощью дозы стрихнина.

– Собирать вырезки в альбом – идеальное времяпрепровождение для юной леди, – говорила Ниалла. – Аристократично... и при этом познавательно.

В точности мои мысли.

– Моя мама выбросила мой в мусорное ведро, когда я сбежала из дома, – сказала она с призывком, который, если бы вырвался, мог стать смешком.

– Вы сбежали из дома? – уточнила я.

Этот факт заинтриговал меня почти так же сильно, как наперстянка на ее платье, из которой, припоминая, можно извлечь растительный алкалоид дигиталин (более известный нам, химикам, как $C_{36}H_{56}O_{14}$). На миг я с удовольствием вспомнила о том, как несколько раз в лаборатории я вымачивала в спирте листья наперстянки, собранные в нашем огороде, наблю-

⁷ Томас Нейл Крим – британский врач, серийный маньяк-отравитель, повешенный в 1892 за убийство нескольких проституток. Претендовал на роль Джека Потрошителя, последними его словами были: «Я, Джек...»

⁸ Хоули Харви Криппен – тоже врач, американец, фигурант одного из самых громких дел об убийстве в XX веке. Повешен в 1910 году за убийство жены.

⁹ Джордж Чепмен – один из подозреваемых в убийствах, совершенных Джеком Потрошителем; это не доказано, однако сей обладатель бурной биографии, как говорят, отравил минимум одну из своих любовниц и покушался на жизнь одной из жен.

¹⁰ На самом деле ей приписывают больше жертв – десять родных детей, пятеро пасынков, четверо мужей и мать – итого, двадцать человек.

дая за кристаллизацией тонких сияющих иголок и за восхитительным изумрудно-зеленым раствором, который образовывался после того, как я растворяла их в соляной кислоте и воде. Выделившейся осадком камеди, разумеется, можно вернуть исходный зеленый оттенок серной кислотой, затем придать светло-красный цвет парами брома и снова изумрудно-зеленый добавлением воды. Волшебство! Конечно, это смертельный яд, и в качестве такового он, конечно же, намного более захватывающий, чем глупые пуговицы и «Девичий ежегодник».

– Ммм, – произнесла она. – Устала мыть, вытирать, подметать и убирать и слушать, как тошнит соседей; устала лежать в кровати ночью, прислушиваясь, не зацокает ли по мостовой конь принца.

Я ухмыльнулась.

– Руперт все изменил, конечно же, – продолжала она. – «Пойдем со мной к воротам Диарбекира¹¹, – сказал он мне. – Поехали на восток, и я сделаю тебя принцессой в струящихся шелках и бриллиантах размером с кочан капусты».

– И он сделал?

– Нет. На самом деле он сказал: «Моя чертова ассистентка бросила меня. Поехали со мной в Лайм-Реджис на выходные, и я дам тебе гинею, шесть приемов пицци и спальный мешок. Я научу тебя искусству манипуляции», – заявил он, и я была настолько глупа, что подумала, будто речь идет о марионетках.

Не успела я поинтересоваться подробностями, как она вскочила на ноги и отряхнула юбку.

– Кстати, о Руперте, – заметила она, – нам лучше пойти посмотреть, как продвигаются дела у них с викарием. В приходском зале зловещая тишина. Ты полагаешь, могли они уже поубивать друг друга?

Ее цветастое платье грациозно зашуршало между надгробиями, и мне оставалось лишь последовать за ней.

Внутри мы обнаружили викария, стоящего посреди зала. Руперт находился на возвышении, на центральной сцене, положив руки на бедра. Если бы он выходил на поклон в театре «Олд Вик», освещение не могло бы быть более выразительным. Будто посланный судьбою, неожиданный луч солнечного света сиял сквозь витражное стекло в задней части зала, падая круглым золотым пучком прямо на поднятое лицо Руперта. Тот встал в позу и начал извергать Шекспира:

*Когда клянешься мне, что вся ты сплошь
Служить достойна правды образом,
Я верю, хоть и вижу, как ты лжешь,
Вообразив меня слепым юнцом.*

*Польщенный тем, что я еще могу
Казаться юным правде вопреки,
Я сам себе в своем тщеславье лгу,
И оба мы от правды далеки.*

Как упомянул викарий, акустика в зале замечательная. Викторианские строители соорудили его внутренности в форме раковины моллюска, изогнутые деревянные панели служили резонатором для самого слабого звука – все равно что находиться внутри скрипки Страдивари. Теплый медоточивый голос Руперта звучал повсюду, окутывая нас своим богатым тембром:

¹¹ Руперт далековато звал свою подругу. Между прочим, Диарбекир – город в Турции.

*Не скажешь ты, что солгала мне вновь,
И мне признать свой возраст смысла нет.
Доверьем мнимым держится любовь,
А старость, полюбив, стыдится лет.*

*Я лгу тебе, ты лжешь невольно мне,
И, кажется, довольны мы вполне!¹²*

– Как меня слышно, викарий?

Чары немедленно разрушились. Все равно как Лоуренс Оливье вставил бы: «Раз раз! Проверка... один... два... три» посреди «Быть или не быть».

– Блестяще! – воскликнул викарий.

Что больше всего удивило меня в речи Руперта, так это то, что я знала, о чем он говорит. Благодаря почти неощутимым паузам в конце каждой строки и своеобразным жестам длинными белыми пальцами, с помощью которых он демонстрировал оттенки значений, я поняла слова. Каждое из них.

Как будто их всосало в мои поры осмосом, они захлестнули меня, и я поняла эти горькие слова старика, обращенные к юной любви.

Я взглянула на Ниаллу. Она поднесла руку к горлу.

В последовавшем гулком деревянном молчании викарий стоял как столб, будто высеченный из черно-белого мрамора.

Я стала свидетельницей того, что поняли не все присутствующие.

– Браво! Браво!

Сложенные руки викария внезапно разразились серией резонирующих громовых аплодисментов.

– Браво! Сонет сто тридцать восьмой, если я не ошибаюсь. И, если я могу высказать свое скромное мнение, вероятно, никто еще не читал его так прекрасно.

Руперт явно возгордился.

Снаружи солнце скрылось за облаком. Золотой луч вмиг погас, и мы снова стали четырьмя обыкновенными людьми в полутемном грязном помещении.

– Великолепно, – заметил Руперт. – Этот зал великолепно подойдет.

Хромая, он пересек сцену и начал неуклюже спускаться по узким ступенькам, опираясь о стену раскрытой ладонью.

– Осторожно! – сказала Ниалла, быстро идя к нему.

– Уйди! – отрезал он с выражением крайней свирепости. – Я справлюсь.

Она резко остановилась на полпути – как будто он ударил ее по лицу.

– Ниалла думает, что я ее ребенок. – Он рассмеялся, пытаясь представить дело как шутку.

По убийственному взгляду Ниаллы я поняла, что она ничего подобного не думает.

¹² 138-й сонет Шекспира в переводе С. Я. Маршака.

3

– Что ж, – жизнерадостно объявил викарий, потирая руки, будто ничего не произошло. – Решено. С чего начнем? – Он с энтузиазмом смотрел то на одного, то на другую.

– С разгрузки фургона, полагаю, – сказал Руперт. – Полагаю, мы можем оставить здесь вещи до представления?

– О, конечно... конечно, – согласился викарий. – Приходской холл безопасен, как дом. Может, даже безопаснее.

– Потом надо, чтобы кто-то осмотрел фургон... и нам требуется место, где можно остановиться на пару дней.

– Предоставьте это мне, – заявил викарий. – Уверен, я все улажу. Теперь давайте засучим рукава и приступим. Пойдем, Флавия, дорогая. Уверен, мы сможем найти что-нибудь достойное твоих особых талантов.

Что-нибудь достойное моих особых талантов? Почему-то я усомнилась – разве что речь идет о преступном отравлении, являющемся моим главным развлечением.

Тем не менее, не в настроении возвращаться домой в Букшоу прямо сейчас, я нацепила свою лучшую улыбку в стиле «Руководства для девочек» (устаревшее издание) ради викария и пошла за ним вместе с Рупертом и Ниаллой на церковный двор.

Когда Руперт распахнул заднюю дверь фургона, я бросила первый взгляд в жизнь странствующего артиста. Полутемные внутренности «остина» были как нельзя лучше оснащены рядами лакированных ящиков, каждый из которых сверху, снизу и с боков плотно обставлен соседями – это очень напоминало коробки с обувью в хорошо организованной сапожной лавке, когда каждый ящик можно легко выдвинуть и вдвинуть. На полу фургона были свалены коробки большего размера – на самом деле тара для упаковки – с веревочными ручками по бокам, чтобы облегчить их выгрузку и переноску, когда потребуется.

– Руперт сделал все сам, – гордо объяснила Ниалла. – Ящики, складную сцену, осветительное оборудование... прожекторы из старых банок из-под краски, не так ли, Руперт?

Руперт отсутствующе кивнул, вытаскивая охапку железных труб.

– И это еще не все. Он нарезал веревки, сделал подпорки, раскрасил декорации, вырезал кукол... все, за исключением *этого*, разумеется.

Она указала на громоздкий черный чемодан с кожаной ручкой и отверстиями в боку.

– Что там? Животное?

Ниалла рассмеялась...

– Лучше. Это гордость и отрада Руперта – магнитофон. Он заказывал его из Америки. Это обошлось ему в приличную сумму, могу сказать. Но это дешевле, чем нанимать оркестр «Би-би-си» для музыкального сопровождения!

Руперт уже начал вытаскивать коробки из «остина», сопровождая работу ворчанием. Его руки – словно грузоподъемные краны на верфях – поднимали и поворачивали... поднимали и поворачивали, пока наконец все не оказалось на траве.

– Позвольте, я помогу, – предложил викарий, хватаясь за веревочную ручку на конце черного сундука в форме гроба со словом «Галлигантус», нанесенным на него белой краской, в то время как Руперт взялся за противоположный конец.

Ниалла и я ходили взад-вперед, взад-вперед с более легкими предметами и деталями, и через полчаса все было сложено в приходском зале перед сценой.

– Хорошая работа! – объявил викарий, отряхивая рукава. – Действительно хорошая работа! Теперь как насчет субботы? Дайте-ка подумать... Сегодня четверг... У вас будет еще один день на подготовку плюс ремонт фургона.

– Подходит, – сказал Руперт. Ниалла кивнула, хотя ее не спрашивали.

– Тогда суббота. Я скажу Синтии сделать копии рекламных листовок на гектографе. Завтра она разнесет их по лавкам... разложит в стратегических местах. Синтия молодчина по этой части.

Среди множества слов, приходивших на ум, чтобы описать Синтию Ричардсон, «молодчины» не было, зато было «великанша-людоедка».

В конце концов, это Синтия однажды поймала меня, когда я на цыпочках балансировала на алтаре Святого Танкреда, чтобы с помощью отцовской опасной бритвы соскрести образец кобальтовой сини со средневекового витражного стекла. Кобальтовая синь – это смешанный базовый арсенат кобальта, который готовится путем обжигания, средневековые художники использовали его для рисования на стекле, и я просто умираю от желания проанализировать его в лаборатории, чтобы определить, насколько успешными оказались его создатели на важном пути очищения его от железа.

Синтия схватила меня, стащила и отшлепала, найдя недостойное, с моей точки зрения, применение подвернувшемуся экземпляру «Гимнов древних и современных» (стандартное издание).

– То, что ты натворила, Флавия, не стоит поздравлений, – заявил отец, когда я поведала ему об этом грубом произволе. – Ты испортила находившуюся в идеальном состоянии двояковогнутую бритву от Тьер-Иссара.

Должна признать, что Синтия – отличный организатор, однако таковыми были и мужчины с кнутами, присматривавшие за постройкой пирамид. Конечно, если кто-то и может оклеить рекламными объявлениями весь Бишоп-Лейси из конца в конец за три дня, то это Синтия Ричардсон.

– Пойдите! – воскликнул викарий. – Мне только что пришла в голову блестящая идея! Скажите, что вы думаете. Почему бы не поставить два спектакля вместо одного? Я не претендую на роль эксперта в искусстве кукольного театра, в любом случае, не знаю, что возможно, что нет, однако почему бы не поставить спектакль для детей днем в субботу и еще один вечером, когда больше взрослых будут свободны и смогут посетить его?

Руперт ответил не сразу, он стоял, потирая подбородок. Даже я сразу поняла, что два представления удвоят кассу.

– Что ж... – наконец сказал он. – Допустим. Это будет один и тот же спектакль, хотя...

– Великолепно! – заявил викарий. – Что нам надо... программу, да?

– Начнем с короткой музыкальной пьесы, – размышлял Руперт. – Новой, над которой я сейчас работаю. Никто ее еще не видел, так что это отличная возможность обкатать ее. Затем «Джек и бобовое зернышко». Все всегда требуют «Джека и бобовое зернышко», что маленькие, что большие. Классическая вещь. Очень популярная.

– Грандиозно! – сказал викарий. Он достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги и огрызок карандаша и нацарапал несколько слов. – Как насчет этого? – спросил он с последним росчерком и с довольным выражением лица зачитал вслух написанное:

Прямо из Лондона!

– Надеюсь, вы простите маленькое преувеличение и восклицательный знак в конце, – прошептал он Ниалле.

Кукольный театр Порсона

(Под управлением упомянутого Порсона. Как показывают на телеканале «Би-би-си»).

Программа

I. Музыкальная интерлюдия.

II. «Джек и бобовое зернышко».

(Номер один ставится впервые на сцене; номер два признан всемирно популярной пьесой для всех, и детей и взрослых).

*Суббота, 22 июля 1950 года, в приходском зале Святого Танкреда,
Бишоп-Лейси.*

Спектакли начинаются в 14:00 и 19:00 ровно!

– Иначе они будут канительиться, – добавил он. – Я скажу Синтии набросать сверху рисунок маленькой фигурки с шарнирами на веревочках. Она чрезвычайно талантливая художница, знаете ли, не то чтобы у нее было много возможностей для самовыражения... О Бог мой! Я заболтался. Я лучше пойду займусь своими телефонными делами.

И с этими словами он ушел.

– Эксцентричный старичок, – заметил Руперт.

– Он нормальный, – сказала я. – Ведет довольно грустный образ жизни.

– А, – произнес Руперт, – знаю, что ты имеешь в виду. Похороны и тому подобное.

– Да, – подтвердила я. – Похороны и тому подобное.

Но я скорее имела в виду Синтию.

– Где тут провода? – неожиданно спросил Руперт.

На миг я была ошарашена. Должно быть, я выглядела крайне несообразительной.

– Провода, – повторил он. – Ток. Электричество. Хотя не думаю, чтобы ты знала, где это, не так ли?

Так получилось, что я знала. Лишь несколько недель назад меня насильно завербовали в помощь миссис Уитти, я стояла с ней за сценой и помогала передвигать массивные рычаги дряхлого пульта управления осветительной аппаратурой, когда ее первокурсники – балетные танцоры – порхали по подмосткам на репетиции «Золотых яблок солнца», Помона (Дейдре Скидмор в сачке для ловли бабочек) соблазняла сопротивляющегося Гиацинта (краснолицего Джеральда Планкетта в импровизированных лосинах, перешитых из пары длинных брюк), демонстрируя ему вечнозеленый ассортимент фруктов из папье-маше.

– Направо от сцены, – сказала я. – За черной первой кулисой.

Руперт моргнул раз или два, бросил на меня колкий взгляд и зацокал по узким ступенькам на сцену. В течение нескольких секунд мы слышали, как он бормочет что-то себе под нос в сопровождении металлических звуков хлопающих приборных панелей и включающихся и выключающихся переключателей.

– Не обращай на него внимания, – прошептала Ниалла. – Он всегда нервничает с той самой минуты, когда объявляют представление, и до финального занавеса. Помимо этого, он, в общем-то, нормальный.

Пока Руперт возился с электричеством, Ниалла начала освобождать связки гладких деревянных шестов, туго стянутых кожаными ремешками.

– Сцена, – пояснила она. – Это все совмещается с винтами и гайками-барашками. Руперт разработал и сделал все это сам. Осторожно – пальцы.

Я подошла к ней помочь с более длинными связками.

– Я сама справлюсь, спасибо, – сказала она. – Делала это сотни раз, довела до автоматизма. Единственное, что надо делать вдвоем, – поднять пол.

Шорох за спиной заставил меня обернуться. Сзади стоял викарий с довольно несчастным выражением лица.

– Не лучшие новости, боюсь, – сказал он. – Миссис Арчер говорит, что Берт уехал в Лондон на учебу и вернется только завтра, и никто не берет трубку на ферме «Голубятня», где я надеялся вас разместить. Но миссис Ингльби нечасто отвечает на телефон, когда она одна дома. В субботу она привезет яйца, но это слишком поздно. Я бы предложил дом священника, но Синтия довольно решительно напомнила мне, что мы как раз красим гостевые комнаты:

кровати вынесены в коридор, шкафы загромождают лестничные пролеты и так далее. Это сведет с ума, действительно.

– Не беспокойтесь, викарий, – произнес Руперт со сцены.

Я чуть не выскочила из кожи. Забыла, что он там.

– Мы расположимся прямо здесь, на церковном дворе. В фургоне есть хорошая палатка с шерстяными пледами и резиновым полом, маленький примус и консервированные бобы на завтрак. Нам будет уютно, словно клопам в одеяле.

– Что ж, – ответил викарий, – если бы дело касалось только меня, я...

– Ах, – перебил Руперт, подняв палец. – Я знаю, о чем вы думаете: нельзя, чтобы бродяги разбивали лагерь среди могил. Почтение к дорогим почившим и так далее.

– Ну, – признал викарий, – в этом есть ничтожная доля правды, но...

– Мы устроимся в незанятом углу, хорошо? Никакого осквернения. Не первый раз нам доведется спать на церковном кладбище, правда, Ниалла?

Ниалла слегка покраснела и стала зачарованно разглядывать что-то на полу.

– Что ж, полагаю, вопрос решен, – подытожил викарий. – На самом деле у нас мало вариантов, не так ли? Кроме того, это лишь одна ночь. Что в этом плохого? Боже мой! – воскликнул он, взглянув на часы. – Как *tempus* быстро *fugit*! Я дал Синтии торжественное обещание сразу же вернуться. Она готовит ранний ужин, видите ли. Мы всегда ужинаем рано по четвергам, из-за хора. Я бы пригласил вас присоединиться, но...

– Не стоит, – перебил его Руперт. – Мы и так достаточно обременили вас сегодня, викарий. Кроме того, верьте или нет, но Ниалла – дока по части приготовления яичницы с беконом на костре. Мы поедем, словно корсиканские бандиты, и уснем, словно мертвецы.

Ниалла чересчур осторожно присела на еще не открытую коробку, и я заметила, что она внезапно устала. Темные круги под глазами, казалось, появились так быстро, как грозовые облака на фоне луны.

Викарий потер подбородок.

– Флавия, милочка, – сказал он. – У меня блестящая идея. Почему бы тебе не прийти завтра с самого утра и не помочь? Уверен, «Куклы Порсона» весьма обрадуются услугам энергичной помощницы. Завтра мне надо навестить на дому больных, в том числе лежачих, и Алтарную гильдию, – добавил он. – Ты могла бы послужить моим *locum tenens*¹³, так сказать. Предоставить нашим гостям свободу действий, что ли, помимо помощи в качестве мастера на все руки.

– С радостью, – сказала я, делая едва заметный книксен.

Ниалла, во всяком случае, вознаградила меня улыбкой.

Снаружи, на задней части церковного двора, я подняла из травы «Глэдис», мой верный велосипед, и через несколько секунд мы уже летели по испещренным солнечными пятнами и тенями переулкам домой в Букшоу.

¹³ *Locum tenens* (лат.) – врач или священник, замещающий другого врача или священника.

4

– Всем привет, – обратилась я к спине Фели, незаметно пробравшись в гостиную.

Не поворачиваясь от зеркала, в котором она себя разглядывала, Фели взглянула на мое отражение в потускневшем от времени стекле.

– На этот раз ты допрыгалась, – сказала она. – Отец искал тебя весь день. Он только что звонил в деревню констеблю Линнету. Должна сказать, он выглядел очень разочарованным, услышав, что они не выудили твой мокрый трупик из утинового пруда.

– Откуда ты знаешь, что не выудили? – проницательно возразила я. – Откуда ты знаешь, что я не призрак, вернувшийся, чтобы вогнать тебя в могилу?

– Потому что у тебя развязались шнурки и сопли текут, – сказала Дафна, отрывая взгляд от книги. Это была «Навеки Эмбер»¹⁴, и она читала ее второй раз.

«О чем она?» – я поинтересовалась у нее на первом заходе. «О бабочках в янтаре»¹⁵, – ответила она с самодовольной усмешкой, и я взяла на заметку внести эту книгу в свой список для чтения. Обожаю труды по естествознанию.

– Ты не собираешься спросить, где я была? – полюбопытствовала я. Я просто умирала от желания рассказать им о «Куклах Порсона» и все о Ниалле.

– Нет, – ответила Фели, трогая себя пальцем за подбородок и наклоняясь ближе к зеркалу для лучшего обзора. – Никто ни капли не интересуется тем, что ты делаешь. Ты словно приبلудная собака.

– Я не приبلудная, – заметила я.

– О да, именно такая! – сказала она с резким смешком. – Назови хоть одного человека в этом доме, кому ты нужна, и я дам тебе гинею. Вперед, называй!

– Харриет, – ответила я. – Я была нужна Харриет, иначе я бы не родилась.

Фели резко обернулась и плюнула на пол. На самом деле *плюнула*.

– К твоему сведению, позорище, Харриет впала в глубокое нервное расстройство сразу после твоего рождения.

– Ха! – воскликнула я. – Я тебя подловила. Ты говорила, что меня удочерили.

Это правда. Когда Даффи или Фели хотели разозлить меня как можно сильнее, они вспоминали это заявление.

– Так и было, – объяснила она. – Отец и Харриет заключили соглашение о том, что усыновят тебя, еще до твоего рождения. Но, когда пришло время и твоя биологическая мать тебя родила, по ошибке тебя отдали кому-то другому – паре в Восточном Кенте, кажется. К несчастью, они тебя вернули. Говорят, первый раз за двухсотлетнюю историю приюта люди вернули ребенка, потому что тот не понравился. Харриет ты тоже не пришлась по душе, когда она принесла тебя домой, но бумаги были уже подписаны, и совет попечителей отказался принимать тебя назад во второй раз. Я никогда не забуду тот день, когда я услышала, как Харриет говорит отцу в гардеробной, что никогда бы не полюбила такое крысинолицее мяучело. Но что она могла поделать? То, что любая нормальная женщина в ее обстоятельствах. Она впала в состояние глубокой тревожности, из которого, вероятно, так и не вышла. Она была в его власти, когда упала – или прыгнула? – с горы в Тибете. Отец всегда винил в этом тебя, наверняка ты осознаешь это.

В комнате стало холодно, поскольку внезапно я окоченела с ног до головы. Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но обнаружила, что язык высох и съезжился, словно сморщенный кусок кожи. Горячие слезы выступили у меня на глазах, когда я вылетела из комнаты.

¹⁴ Знаменитая любовная сага Кэтлин Уиндзор, опубликованная в 1944 году и обвиненная в порнографичности.

¹⁵ Amber – имя Эмбер и янтарь по-английски.

Я покажу этой проклятой свинье Фели штуку-другую. Я ее так спеленаю веревкой, что потребуется нанимать матроса, чтобы развязать узлы перед ее похоронами.

Есть дерево, растущее в Бразилии, под названием *carica digitata*, местные именуют его «шамбуру». Они верят, что это такой смертельный яд, что просто сон под его листьями вызовет, для начала, незаживающие язвы, после чего рано или поздно наступит великолепная мучительная смерть.

К счастью для Фели, *carica digitata* не растет в Англии. К счастью для меня, здесь водится болиголов пятнистый. Знаю я болотистый уголок в низине Ситона, меньше чем в десяти минутах от Букшоу, где он растет. Могу съездить туда и вернуться до ужина.

Недавно я обновила свои записки касательно кониина, действующего вещества болиголова. Я извлеку его дистилляцией с помощью подручной щелочи – возможно, небольшого количества двууглекислого натрия, который я держу в лаборатории на случай кулинарных излишеств миссис Мюллет. Затем замораживанием и рекристаллизацией я удалю переливающиеся частицы менее сильнодействующего конгидрина. Получится почти чистый кониин с чудесным слабым запахом, и понадобится меньше чем полкапли этого маслянистого вещества, чтобы расплатиться по старым счетам.

Возбуждение, рвота, пена изо рта, жуткие судороги – я загибала пальцы по пути:

– Благословенный цианид,

Быстродействующий мышьяк,

Как попало брошу в суп.

Зажгу похоронные свечи,

Закажу скобы для гроба,

Проучу за шутки над Флавией де Люс!

Мои слова эхом отражались от высокого расписного потолка фойе и галерей из темного полированного дерева наверху. Если не учитывать тот факт, что я не упомянула болиголов, этот маленький стишок, который я сочинила по совершенно другому случаю, идеально выражал мои сегодняшние чувства.

Я пробежала по черно-белой плитке, затем вверх по изгибающейся лестнице в восточное крыло дома. Крыло Тара, как мы его называли, получило свое имя в честь Тарквиния де Люса, одного из старых дядюшек Харриет, обитавшего в Букшоу до нас. Дядя Тар провел большую часть жизни, запершись в великолепной викторианской химической лаборатории в юго-восточной части дома, исследуя «толику вселенной», как он написал в одном из писем к сэру Джеймсу Джинсу, автору «Динамической теории газов».

Прямо под лабораторией, в длинной галерее, есть портрет дяди Тара. На нем он поднял взгляд от микроскопа, поджав губы и нахмутив брови, как будто некто с мольбертом, палеткой и коробкой с красками грубо ворвался к нему в тот момент, когда дядя готовился открыть элемент делюсиум.

«Отстаньте! – ясно говорило выражение его лица. – Отстаньте, оставьте меня в покое!»

И они оставили его, а впоследствии и дядя Тар оставил нас.

Лаборатория со всем своим содержимым уже несколько лет принадлежала мне. Никто не заходил сюда, что хорошо.

Когда я полезла в карман за ключом, что-то белое выпорхнуло на пол. Это оказался носовой платок, который я одолжила Ниалле на церковном кладбище, и он до сих пор был влажным.

В моем сознании возник образ Ниаллы, какой я ее увидела в первый раз, – лежащей ниц на пострадавшем от времени могильном камне, с волосами, расплескавшимися, словно рыжее море, и горячими слезами, шипевшими в пыли.

Все встало на место, словно механизм в замке. Конечно же!

Возмездие придется подождать.

Парой маникюрных ножниц, которые я украла с туалетного столика Фели, я вырезала четыре влажных круга из льняного платка, стараясь избегать зеленых пятен, которые я на нем оставила, и выбирая только те участки, которые были противоположны пятнам по диагонали, куда плакала Ниалла.

Их я пинцетом затолкала в пробирку, куда затем впрыснула трехпроцентный раствор сульфосалициловой кислоты, чтобы осадить белок. Это так называемый тест Эрлиха.

Работая, я с удовольствием размышляла о том, как глубоко великий Александр Флеминг изменил мир, внезапно чихнув в чашку Петри. Это та разновидность науки, что дорога моему сердцу. Кто, в конце концов, может честно сказать, что никогда не чихал на культуру бактерий? Это могло случиться с каждым. Это случилось со мной.

Чихнув, потрясаясь наблюдательный Флеминг заметил, что бактерии в чашке избегают, словно в ужасе, частиц разбрызгавшейся слизи. Вскоре он выделил конкретный протеин в своих соплях, отпугивавший бактерий примерно так же, как собака с пеной в пасти заставляет держаться подальше от нищих. Он назвал его лизоцим, и именно это вещество я сейчас тестировала.

К счастью, даже в разгар лета в фамильных залах Букшоу холодно и сыро, как в пресловутом склепе. Температура в помещениях восточного крыла, где располагается моя лаборатория, – несмотря на отопление, злонамеренно установленное воюющими братьями только в западном крыле некогда политически разделенного дома, – отродясь не превышала шестидесяти градусов по Фаренгейту¹⁶, что, на мое везение, является именно той температурой, при которой лизоцим выпадает в осадок, когда добавляется сульфосалициловая кислота.

Я наблюдала, зачарованная, как начала формироваться дымка из кристаллов, их белые частицы осторожно дрейфовали в маленькую зиму внутри пробирки.

Следующим шагом я зажгла бунзеновскую горелку и аккуратно подогрела мензурку с водой до семидесяти градусов¹⁷. Это заняло немного времени. Когда термометр показал, что все готово, я окунула дно пробирки в теплую ванну и нежно его покрутила.

Когда новообразованный осадок растворился, я испустила вздох удовольствия.

– Флавия. – В лабораторию проник голос отца. Он пересек вестибюль, проплыл по изогнутой лестнице, проник в восточное крыло и проложил путь по длинному коридору в его самую южную часть, просочился сквозь закрытую дверь, столь же легкий, как будто его принесло в Англию из Дальней Фулы¹⁸.

– Ужин, – мне показалось, что я слышу, как он это говорит.

– Это чертовски раздражает, – заметил отец.

Мы сидели за длинным узким обеденным столом, отец в дальнем конце, Даффи и Фели по бокам, а я в самом низу, на мысе Кейп-Хорн.

– Это чертовски раздражает, – повторил он, – сидеть и слушать, как кое-чья дочь сознается, что похитила у кое-кого одеколон для проклятых химических опытов.

Не важно, буду я отрицать или признаю вину, отец сочтет это одинаково раздражающим. Я просто не могла выиграть. Я научилась, что лучше всего хранить молчание.

– Черт побери, Флавия, я только что купил эту проклятую бутылку. Я же не могу поехать в Лондон по такой жаре, воняя, как испортившаяся свиная лопатка, не так ли?

¹⁶ 15 градусов Цельсия.

¹⁷ 21 градус Цельсия.

¹⁸ Дальняя Фула – страна в шести днях плавания к северу от Британии, которую античные географы считали крайним пределом обитаемого мира на севере.

Отец бывал более чем красноречив, когда злился. Я слямзила бутылочку «Роже и Галле», чтобы наполнить пульверизатор, которым мне надо было обрызгать дом после эксперимента, связанного с сульфидом водорода и оказавшегося захватывающе неудачным.

Я покачала головой.

– Извини, – сказала я, принимая вид висельника и промакивая глаза салфеткой. – Я бы купила тебе новую бутылочку, но у меня нет денег.

Фели рассматривала меня через длинный стол в молчаливом презрении с таким видом, будто я жестяная утка в тире. Нос Даффи прочно уткнулся в Вирджинию Вульф.

– Но я могу сделать тебе порцию, – жизнерадостно предложила я. – Это ведь просто спирт, цитрусовые масла и садовые травы. Я попрошу Доггера нарвать немного розмарина и лаванды и возьму апельсины, лимоны и лаймы у миссис Мюллет...

– Ничего подобного вы не сделаете, мисс Флавия, – заявила миссис Мюллет, пробиваясь – в буквальном смысле – в зал, она распахнула дверь обширным бедром и поставила большой поднос на стол.

– О нет! – услышала я, как Даффи шепчет Фели. – Снова «слизень».

«Слизень», как мы его называли, – это десерт по собственному рецепту миссис Мюллет, который, насколько мы смогли определить, состоит из свернувшегося зеленого желе в оболочке из-под колбасы, покрытого сверху двойными девонширскими сливками и украшенного веточками мяты и прочими разнообразными растительными отходами. Он лежал на подносе, непотребно колыхаясь время от времени, словно некий гигантский омерзительный садовый слизняк. Я не смогла сдержать дрожь.

– Аппетитно, – заметил отец. – Как же аппетитно.

Он говорил с иронией, но антенны миссис Мюллет не настроены на сарказм.

– Я знала, что вам понравится, – сказала она. – Не далее как сегодня утром я говорила Альфу: «Альф, давненько полковник и девочки не ели мое чудесное желе. Они всегда высказываются по поводу моих желе, – (что правда), – и я люблю готовить их для моих дорогих».

Фели издала звук, словно мучимый морской болезнью пассажир у перил «Королевы Мэри», пересекающей Северную Атлантику в ноябре.

– Кушайте, дорогие, – сказала миссис Мюллет, ничуть не обеспокоившись. – Это вкусно. – И с этими словами она ушла.

Отец устался на меня одним из своих фирменных взглядов. Хотя он взял последний выпуск «Лондонского филателиста» за стол, как всегда, он его не открывал. Отец – страстный, чтобы не сказать – яростный коллекционер почтовых марок, его жизнь целиком посвящена разглядыванию через лупу кажущегося бесконечным запаса маленьких цветных головок и пейзажей. Но сейчас он не смотрел на марки, он устался на меня. Плохое предзнаменование.

– Где ты была весь день? – поинтересовался он.

– В церкви, – ответила я быстро и чинно и, надеюсь, набожно. Я мастерица подобной отвлеченной болтовни.

– В церкви? – переспросил он. Он весьма удивился. – Зачем?

– Помогала одной женщине, – объяснила я. – Ее фургон сломался.

– А, – сказал он, позволив себе полумиллиметровую улыбку. – И ты оказалась на месте, чтобы предложить свои услуги механика.

Даффи ухмыльнулась, глядя в книгу, и я поняла, что она с удовольствием следит за моим унижением. Надо отдать должное, Фели оставалась полностью погруженной в полировку ногтей на фоне белой шелковой блузки.

– Она путешествует с театром кукол, – сказала я. – Викарий попросил их, имею в виду Руперта Порсона и Ниаллу, так ее зовут, поставить спектакль в приходском зале в субботу, и он хочет, чтобы я им помогла.

Отец был слегка разочарован. Викарий являлся одним из его немногих друзей в Бишоп-Лейси, и маловероятно, чтобы он отказался от моих услуг.

– Руперта показывают по телевизору, – добровольно объяснила я. – Он довольно известен.

– Не в моих кругах, – заметил отец, взглянув на наручные часы и отодвигая кресло от стола. – Восемь часов, – сказал он. – Четверг.

Ему не надо было объяснять. Без единого слова Даффи, Фели и я встали из-за стола и послушно проследовали в гостиную, одна за другой, словно под конвоем.

По четвергам в Букшоу проходили радиовечера. Недавно отец объявил, что мы должны проводить больше времени вместе, семьей, так и получилось, что радиовечера стали подкреплением регулярных принудительных лекций по средам. На этой неделе мы должны слушать сказочную Пятую симфонию Людвига ван Бетховена, или Луи, как я его называла, когда хотела позлить Фели. Припоминаю, что однажды Фели сказала, что на оригинальной партитуре имя Бетховена было напечатано как Луи.

Луи Бетховен звучало для меня все равно что имя второстепенного гангстера из фильма с Эдвардом Робинсоном, персонажа с болезненным рябым лицом, беспокойными подергиваниями и автоматом Томпсона в футляре из-под скрипки.

«Сыграй-ка эту штуку, как ее, Лунную сенату Луи Б.», – рычала я бандитским голосом, входя в комнату, где она упражнялась. Через секунду я вылетала со всех ног, Фели неслась следом за мной, а ноты планировали на ковер.

Сейчас Фели сосредоточилась на том, чтобы артистически вытянуться во весь рост на диване-честерфильде, словно кинозвезда. Даффи упала боком в мягкое кресло, свесив ноги на одну сторону.

Отец включил радио и сел на простой деревянный стул, так прямо держа спину, будто шомпол проглотил.

Пока электронные лампы прогревались, я прошлась колесом по комнате и села, как Будда, скрестив ноги и изобразив то, что должно было быть непроницаемым выражением лица.

Отец бросил на меня испепеляющий взгляд, но программа уже началась, и он решил ничего не говорить.

После длинного и скучного вступления ведущего, которое, казалось, продлится до следующего столетия, наконец началась Пятая симфония.

Ду-ду-ду-Да.

Я спрятала подбородок в ладонях, уперлась локтями в колени и отдалась музыке.

Отец говорил нам, что понимание музыки имеет первостепенную важность в образовании порядочной женщины. Это его точные слова, и я пришла к пониманию, что есть музыка, подходящая для размышлений, музыка для письма и музыка для расслабления.

Полуприкрыв глаза, я повернула лицо к окнам. С моего удачного местоположения на полу я видела оба конца террасы, отражающиеся в стекле створчатой двери, которая была открыта, и если глаза меня не подводили, там что-то двигалось: какая-то темная фигура прошла мимо окна.

Правда, я не осмелилась вскочить и посмотреть. Отец настаивал, чтобы мы слушали внимательно. Даже постукивание носком тут же вызовет сердитый взгляд и обвиняющее движение пальцем.

Я слегка подалась вперед и увидела, как мужчина, одетый с ног до головы в черное, сел на скамейку под розовыми кустами. Он откинулся на спинку, закрыв глаза и слушая музыку, струившуюся из открытых дверей. Это был Доггер.

Доггер был Человеком отца с большой буквы Ч: садовником, шофером, камердинером, управляющим поместьем и мастером на все руки. Как я уже сказала, он делал все.

Злоключения Доггера в качестве военнопленного что-то сломали в нем: иногда, время от времени, что-то с яростью, превышающей мыслимые пределы, вонзалось в его мозг и разрывало на части, словно алчный зверь, превращая Доггера в дрожащую развалину.

Но сегодня он был мирным. Сегодня он оделся по случаю симфонии в темный костюм и что-то вроде форменного галстука и начистил туфли, так что они сверкали, словно зеркала. Он неподвижно сидел под розами, закрыв глаза и подняв лицо, подобно умиротворенным коптским святым, которых я видела на страницах «Сельской жизни», посвященных искусству, его гриву светлых волос сзади неземным светом подсвечивало садящееся солнце. Приятно знать, что он там.

Я довольно вытянулась и снова обратила внимание на Бетховена и его мощную Пятую симфонию.

Хотя Бетховен величайший музыкант и великолепный сочинитель симфоний, он довольно часто терпел удручающую неудачу, заканчивая их. Пятая это идеально иллюстрировала.

Я помнила, что конец этой пьесы, аллегро, был одним из тех случаев, когда Бетховен просто не мог наконец нажать «стоп».

Дум... дум... дум-дум-дум прозвучит, и вы подумаете, что это конец.

Но нет...

Дум, да, дум, да, дум, да, дум, да, дум, да, дум – ДА дум.

Вы встанете и потянетесь, удовлетворенно вздыхая при мысли о великом произведении, которое только что прослушали, и тут вдруг:

ДА дум. ДА дум. ДА дум. И так далее. *ДА дум.*

Все равно что клочок липкой бумаги, который приклеился к вашему пальцу и вы не можете его отцепить. Чертова штука пристала как банный лист.

Я припомнила, что симфониям Бетховена иногда давались имена: Героическая, Пасторальная и так далее. Эту следовало бы назвать Вампирской, потому что она просто отказывалась успокоиться и умереть.

Но, если не считать приставучий конец, я любила Пятую, и больше всего я любила в ней то, о чем думала как о «бегущей музыке».

Я представляла, как, простирая руки, широкими зигзагами бегу очертя голову в солнечном тепле вниз по холму Гудгер с хвостиками, болтающимися у меня за спиной на ветру, и изо всех сил распеваю Пятую симфонию.

Мои приятные грезы были нарушены голосом отца.

– Это вторая часть, анданте кон мото, – громко объявил он. Отец всегда называл части музыкальных произведений голосом, который более соответствовал манежу, а не гостиней. – Означает «прогулочным шагом, в движении», – добавил он, откидываясь на спинку стула, как будто первый раз в жизни исполнил свой долг.

Это казалось мне избыточным: как можно идти прогулочным шагом без движения? Это противоречило законам физики, но ведь композиторы не такие, как все мы.

Большая часть из них, к примеру, мертвы.

Подумав о мертвецах и кладбищах, я вспомнила о Ниалле.

Ниалла! Я чуть не забыла о Ниалле! Отцовский призыв к ужину прозвучал тогда, когда я заканчивала химический опыт. Я сформировала в мозгу образ легкого тумана, кружащихся частиц в пробирке и волнующего послания, которое они несли.

Разве что я сильно ошибаюсь, но Матушка Гусыня в положении.

5

Я подумала, знает ли она сама об этом. Еще до того, как Ниялла поднялась, рыдая, с известняковой плиты, я заметила, что она не носит обручального кольца. Не то чтобы это имело какое-то значение: даже у Оливера Твиста была незамужняя мать.

Но на ее платье была свежая грязь. Хотя я зарегистрировала этот факт в каких-то спутанных зарослях собственного мозга, я не размышляла над ним до настоящего времени.

Когда перестаешь об этом думать, кажется совершенно очевидным, что она помочилась на церковном кладбище. Поскольку дождя не было, свежая грязь на ее подоле означает, что она сделала это второпях, скорее всего в северо-западном углу, вдали от хищных глаз, за кучей земли, которую могильщик мистер Гаскинс держит под рукой на случай копательных манипуляций с могилами.

Должно быть, она была в отчаянном положении, решила я.

Да! Вот оно! Нет на земле женщины, которая уединилась бы в столь неподходящем месте («крайне неблагоприятном», как выразилась бы Даффи), разве что у нее нет выбора. Причин было много, но первым делом мне в голову пришла та, на которую я недавно наткнулась на страницах «Еженедельника австралийских женщин», пока морозила пятки в приемной стоматологической клиники на Фаррингтон-стрит. «Десять ранних признаков благословенного события» – называлась статья, и потребность в частом мочеиспускании была в верхней части списка.

– Четвертая часть. Аллегро. До-диез, – пророкотал отец, словно проводник, объявляющий следующую железнодорожную станцию.

Я адресовала ему краткий кивок, чтобы продемонстрировать, что я внимательно слушаю, и снова нырнула в свои мысли. Так, на чем я остановилась? Ах да, на Оливере Твисте.

Однажды, по пути в Лондон, Даффи указала нам из окна такси точное место в Блумсбери, где стоял приют Оливера. Хотя теперь там была довольно привлекательная зеленая площадь, я легко представила, как с трудом поднимаюсь по давно исчезнувшему, занесенным снегом ступеням крыльца, поднимаю гигантский медный дверной молоток и обращаюсь с просьбой о прибежище. Когда я расскажу о моей полусиротской жизни в Букшоу с Фели и Даффи, меня ни о чем не спросят. Меня приветствуют с распростертыми объятиями.

Лондон! Дьявольщина! Я совсем забыла. Сегодня день, когда мне надо было ехать в город с отцом ставить брекеты. Не удивительно, что он зол. Пока я смаковала смерть на церковном кладбище и болтала с Нияллой и викарием, отец наверняка дымился и пыхтел по всему дому, словно перегруженный миноносец. У меня такое чувство, что дело еще не закончено.

Что ж, слишком поздно. Бетховен – наконец-то – заканчивал утомительный путь к домашнему очагу, словно пахарь Томаса Грея¹⁹, оставляющий мир мраку, а меня – отцу.

– Флавия, на пару слов, если можно, – сказал он, выключая радио со зловещим «клац».

Фели и Даффи поднялись со своих мест и молча вышли из зала, остановившись в дверях лишь для того, чтобы адресовать мне парочку своих фирменных гримас «Ну сейчас ты получишь!».

– Черт возьми, Флавия, – сказал отец, когда они ушли. – Ты знала так же хорошо, как и я, что мы сегодня записаны по поводу твоих зубов.

По поводу моих зубов! Это прозвучало так, будто министерство здравоохранения выдавало мне полный комплект зубных протезов.

¹⁹ Томас Грей (1716–1771) – английский поэт-сентименталист, прославившийся стихотворением «Элегия, написанная на сельском кладбище», одним из известнейших образчиков кладбищенской поэзии.

Но его слова были достаточно справедливы: я недавно испортила отличный набор брекетов, выправив их, чтобы открыть замок. Отец, разумеется, поворчал, но записал меня к врачу, собираясь связать меня и отволочь в Лондон, в расположенную на третьем этаже скобяную лавку на Фаррингтон-стрит, где меня распнут на доске, словно Бориса Карлоффа²⁰, и начнут засовывать в рот разнообразные железяки и прикручивать их к моим деснам.

– Я забыла, – сказала я. – Извини. Тебе следовало напомнить мне за завтраком.

Отец моргнул. Он не ожидал столь решительного – или столь мастерски уклончивого! – ответа. Хотя он был успешным армейским офицером, но, когда дело доходило до домашних маневров, он оказывался совершенно беспомощным.

– Может, мы поедем завтра? – жизнерадостно добавила я.

Хотя с первого взгляда не скажешь, но это был мастерский удар. Отец презирал телефон со страстью, превосходившей все мыслимые пределы. Он относился к этой вещи – «инструменту», как он ее называл, – не просто как к передышке, с точки зрения почтальона, но как к прямой атаке на традиции королевской почты в целом и использованию почтовых марок в частности. Соответственно он категорически отказывался пользоваться телефоном, за исключением критических ситуаций. Я знала, что ему потребуются недели, если не месяцы, чтобы снова взять трубку. Даже если он напишет дантисту, потребуется время, чтобы отправить письмо и получить ответ. На этот срок я соскочу с крючка.

– И помнишь, – отец высказал запоздалую мысль, – что завтра приезжает тетя Фелисити?

Мое сердце упало, словно батискаф профессора Пикара.

Сестра отца сваливалась на нас каждое лето, приезжая из Хэмпстеда. Хотя у нее не было своих детей (возможно, потому, что она никогда не была замужем), тем не менее у нее были весьма удивительные взгляды на должное воспитание потомства, взгляды, которые она никогда не уставала громко излагать.

«Детей следует пороть розгами, – частенько говаривала она, – чтобы они не подались в политику или юриспруденцию, в случае чего их следует дополнительно утопить». Что довольно мило подытоживало всю ее философию. Все же, как у всех грубых, суровых тиранов, в ней таились несколько капель сентиментальности где-то глубоко внутри, временами выплывавшие на поверхность (чаще всего на Рождество, но иногда, с запозданием, на дни рождения), когда она наваливала на нас тщательно отобранные подарки.

Даффи, например, жадно поглощавшая «Мельмота Скитальца» и «Аббатство кошмаров»²¹, получала от тетушки Фелисити экземпляр комиксов «Джумбо», а Фели, отродясь не интересовавшаяся ничем, кроме косметики и собственной прыщавой шкурки, открывала пакет, чтобы обнаружить в нем пару гуттаперчевых автомобильных калош («Идеально для ремонта машины в сельских условиях»).

И тем не менее однажды, когда мы подшучивали над тетушкой Фелисити на глазах у отца, он пришел в ярость, как никогда на моей памяти. Но быстро совладал с собой, прикоснувшись пальцем к уголку глаза, чтобы унять нервный тик.

«Вам когда-нибудь приходило в голову, – спросил он этим своим ужасным спокойным голосом, – что ваша тетя Фелисити не такая, какой может казаться?»

«Ты имеешь в виду, – нанесла ответный удар Фели, – что она только изображает из себя чокнутую?»

Я могла только возбужденно наблюдать за ее смелостью.

Отец мгновение испепелял ее фирменным яростным взглядом льдисто-голубых глаз ле Люсов, затем развернулся на каблуках и вышел из комнаты.

²⁰ Борис Карлофф (1887–1969) – английский актер театра и кино, «мастер ужаса», особенно известный своей ролью Чудовища в фильме «Франкенштейн».

²¹ «Мельмот Скиталец» – готический роман Ч. Метьюрина, «Аббатство кошмаров» – пародийный готический роман Т. Пикока.

«Боже ж ты мой!» – сказала Даффи, но только после того, как он скрылся из виду.

Так что мерзкие подарочки тети Фелисити мы продолжили принимать в тишине – по крайней мере в моем присутствии.

Не успела я припомнить все ее злоупотребления моим собственным добрым нравом, как отец продолжил:

– Ее поезд прибывает в Доддингсли в пять минут одиннадцатого, и я бы хотел, чтобы ты ее встретила.

– Но...

– Пожалуйста, не возражай, Флавия. Я планирую уладить кое-какие счета в деревне. Оливия устраивает что-то вроде сольного концерта на утреннем чаепитии Женского института, а Дафна просто отказывается ехать.

Сожри мою селезенку! Мне следовало ожидать чего-то в этом духе.

– Я попрошу Мунди прислать машину. Закажу, когда он сегодня вечером придет к миссис Мюллет.

Кларенс Мунди – владелец единственного в Букшоу такси.

Миссис Мюллет оставалась у нас допоздна, чтобы закончить чистку кастрюль и сковородок, которую она делает раз в полгода; этот ритуал всегда наполняет кухню жирным горячим дымом и вызывает у обитателей Букшоу тошноту. По такому случаю отец всегда настаивает на том, чтобы отправить ее домой на такси. В Букшоу циркулируют различные теории о причинах, которые заставляют его это делать.

Очевидно, что я не смогу быть на пути в или из Доддингсли с тетушкой Фелисити и одновременно помогать Руперту и Ниалле ставить кукольное шоу. Мне просто придется расставить приоритеты и первым делом заняться наиболее важными делами.

Хотя небо на востоке уже окрасилось золотом, солнце еще не взошло, когда я понеслась по дороге в Бишоп-Лейси. Шины «Глэдис» жужжали деловито и язвительно, как бывает, когда она особенно довольна.

Низкий туман стелился над полями по обе стороны канав, и я притворялась, что я призрак Кэти Эрншо, летящий к Хитклифу (за исключением велосипеда) над йоркширскими торфяниками. Время от времени костлявая рука тянулась из-за изгородей ежевики, чтобы схватить меня за красный шерстяной свитер, но «Глэдис» и я были слишком быстры.

Проезжая мимо Святого Танкреда, я увидела маленькую белую палатку Руперта, установленную в высокой траве в задней части церковного кладбища. Он разбил ее на земле горшечника²² – участке, где хоронили нищих, поэтому здесь лежали тела, но не было надгробий. Полагаю, Руперту и Ниалле об этом не сказали, и я решила, что от меня они об этом не услышат.

Не успела я пройти и нескольких футов по влажной траве, как мои туфли и носки промокли насквозь.

– Ау! – тихо окликнула я. – Есть здесь кто-нибудь?

Ответа не было. Ни звука. Я вздрогнула, когда любопытная галка спорхнула с крыши башни и с идеальным аэродинамическим хлопком приземлилась на осыпающейся известняковой стене.

– Ау! – окликнула я снова. – Тук-тук. Дома кто-нибудь?

В палатке послышался шорох, и Руперт высунул голову наружу, волосы гривой спадали ему на глаза, красные, будто их питали динамо-машины.

²² Земля горшечника – так называют кладбище для бедняков и бродяг. Название пошло из Библии (Иуда хотел вернуть тридцать сребренников, полученных за предательство Христа, бросил их в храм, жрецы которого купили на них землю горшечника и устроили там кладбище для погребения чужеземцев).

– Господи, Флавия! – воскликнул он. – Это ты?

– Простите, – сказала я. – Я рановато.

Он втянул голову обратно в палатку, словно черепаха, и я услышала, как он пытается разбудить Ниаллу. После нескольких зевков и ворчаний брезент начал вспучиваться под странными углами, словно внутри кто-то веником подметал разбитое стекло.

Через несколько минут Ниалла наполовину вышла, наполовину выползла из палатки. На ней было то же самое платье, что вчера, и, хотя ткань выглядела неудобно влажной, она первым делом извлекла «Вудбайн»²³ и закурила, не успев даже выпрямиться.

– Здорово, – сказала она, махнув в мою сторону занятой рукой, из-за чего сигаретный дым поплыл в сторону и смешался с туманом, висевшим над могилами.

Внезапно ее скрутил ужасный приступ кашля, и галка, склонив голову набок, переступила лапами на несколько шагов в сторону, словно в отвращении.

– Вам не стоит коптить воздух этой штукой, – заметила я.

– Это лучше, чем коптить селедку, – ответила она, засмеявшись собственной шутке. – Кроме того, откуда тебе знать?

Я знала, что мой покойный двоюродный дедушка Тарквиний де Люс, чью химическую лабораторию я унаследовала, в годы студенчества был освистан и изгнан из Оксфордского союза, когда принял сторону защиты в дебатах на тему: «Табак – пагубный сорняк».

Не так давно я наткнулась на записки дяди Тара, спрятанные в дневнике. Его тщательные химические изыскания, похоже, подтвердили связь между курением и тем, что тогда называли «общим параличом». Поскольку по природе своей он был довольно застенчивым и замкнутым, его «крайнее и чрезвычайное унижение», как он это назвал, значительно поспособствовало его отшельническому образу жизни.

Я обвила себя руками и сделала шаг назад. На церковном кладбище было холодно и промозгло, и внезапно на меня снизошло видение теплой кровати, из которой я выбралась, чтобы приехать сюда и помочь.

Ниалла выпустила в воздух нечто напоминающее колечки дыма. Она наблюдала, как они поднимаются, перед тем как рассеяться.

– Прости, – сказала она. – Я не в лучшей форме спозаранку. Я не хотела грубить.

– Все в порядке, – ответила я. Но это было не так.

Хрустнула ветка, необычно громко в приглушенной тишине тумана. Галка расправила крылья и взлетела на верхушку тиса.

– Кто здесь? – окликнула Ниалла, внезапно устремившись к известняковой стене и наклоняясь над ней. – Проклятые дети, – сказала она. – Пытаются напугать нас. Я слышала, как один из них смеялся.

Хотя я унаследовала чрезвычайно острый слух Харриет, я не услышала ничего, кроме хруста ветки. Я не стала говорить Ниалле, что было бы поистине странно обнаружить детей из Бишоп-Лейси на церковном кладбище в такую рань.

– Я напушу на них Руперта, – продолжила она. – Это преподаст им урок. Руперт! – громко позвала она. – Что ты там делаешь? Готова поспорить, что ленивая сволочь снова залезла в спальный мешок, – добавила она, подмигнув.

Она потянулась и дернула за одну из веревок, и, словно парашют на ветру, вся палатка обрушилась массой медленно оседающего брезента. Палатку разбили на рыхлой почве земли горшечника, и она легко обвалилась.

Руперт мигом выскочил из-под руин. Схватил Ниаллу за запястье и завернул руку ей за спину. Ее сигарета упала в траву.

²³ Английская марка сигарет, очень популярная среди солдат во время Первой и Второй мировых войн; сейчас не выпускается.

– Никогда больше! – завопил он. – Никогда больше!

Ниялла указала глазами на меня, и Руперт сразу же ее отпустил.

– Черт побери, – сказал он. – Я брился. Я бы мог порезать себе к черту горло!

Он выставил подбородок, дергая им в сторону, как будто ослабляя невидимый воротник.

Странно, подумала я. Утренняя щетина никуда не делась, и более того, на его лице нет ни капли крема для бритья.

– Кости брошены, – объявил викарий.

Он шел по кладбищу, напевая что-то под нос, потирая руки и восклицая при приближении, его облачение, словно волчок, мелькало то белым, то черным сквозь туман.

– Синтия согласилась соорудить на скорую руку несколько рекламных объявлений и распространить их перед ланчем. Теперь, что касается завтрака...

– О нет, спасибо, – сказал Руперт. Он достал коробку деревянных щепок из задней части фургона и на удивление быстро развел чудесный бивачный костер, затрепавший на церковном кладбище. Следующим движением он извлек кофейник, буханку хлеба и парочку заостренных палочек, чтобы приготовить тосты. Ниялла даже умудрилась откопать баночку шотландского мармелада в их багаже.

– Точно? – переспросил викарий. – Синтия просила передать вам, что...

– Совершенно точно, – ответил Руперт. – Мы вполне привыкли...

– ... готовить сами, – подхватила Ниялла.

– Тогда ладно, – подытожил викарий. – Пойдем внутрь?

Он проводил нас по траве к приходскому залу, и, когда он достал связку ключей, я бросила взгляд в сторону покойницкой. Если там кто-то и *был*, они уже убежали.

Затянутое туманом кладбище предоставляет бесконечное количество укрытий. Кто-то вполне мог скорчиться за могильным камнем не далее чем в десяти футах, и мы бы не узнали. Окинув последним оценивающим взглядом остатки дрейфующего тумана, я повернулась и вошла внутрь.

– Ну, Флавия, что ты думаешь?

Я лишилась дара речи. То, что вчера было голой сценой, теперь стало изящным кукольным театром, словно по волшебству перенесенным за ночь из Зальцбурга XVIII столетия.

Авансцену, которая, насколько я прикинула, была от пяти до шести футов в ширину, скрывали красные бархатные портьеры, богато украшенные, с золотыми кисточками, расшитые масками Комедии и Трагедии.

Руперт скрылся за сценой, и я благоговейно наблюдала, как огни рампы, красные, зеленые и янтарные, медленно зажигались один за другим, пока нижняя часть занавесей не превратилась в богатую бархатную радугу.

Рядом со мной викарий шумно втянул в себя воздух, когда портьеры медленно разошлись. В восторге он захлопал в ладоши.

– Волшебное королевство, – выдохнул он.

Перед нашими глазами среди зеленых холмов раскинулся затейливый сельский коттедж, его соломенная крыша и наполовину обшитый деревом фасад были продуманы до мельчайших подробностей – от деревянной скамейки под окном до миниатюрных роз из папиросной бумаги в саду.

На миг я захотела там жить: уменьшиться и забраться в этот идеальный маленький мирок, в котором каждый предмет, казалось, светился как будто внутренним светом. Поселившись в этом коттедже, я бы устроила химическую лабораторию за крошечными окнами и...

Чары нарушились шумом падения и грубым «черт!» откуда-то из-за раскрашенного синего неба.

– Ниалла! – произнес голос Руперта из-за занавесей. – Где крюк для этой штуковины?

– Извини, Руперт, – отозвалась она, и я заметила, что она задержалась с ответом, – должно быть, он до сих пор в фургоне. Ты собирался паять его, помнишь? Это штука, которая поддерживает великана, – объяснила она нам. – Но все же, – добавила она, ухмыльнувшись мне, – мы не должны выдавать слишком много секретов. От этого тайна исчезает, ты не думаешь?

Не успела я ответить, как дверь приходского зала распахнулась и на фоне солнечного света возник женский силуэт. Это была Синтия, жена викария.

Она не сделала ни шагу внутрь, а стояла, ожидая, чтобы викарий поторопился к ней, что он и сделал. Ожидая его приближения, она обратила лицо к свету, и даже с того места, где я стояла, я ясно видела ее холодные голубые глаза.

Ее рот был поджат, словно губы туго сшили шнурками, редкие седовато-светлые волосы были стянуты – с виду, болезненно – в овальный пучок на затылке над исключительно длинной шеей. В бежевой блузке из тафты, коричнево-красной юбке и коричневых оксфордах²⁴ она ничто так не напоминала, как дедушкины часы с перекрученным заводом.

Помимо крепкой трепки, которую она мне задала, было сложно сформулировать в точности, что мне не нравится в Синтии Ричардсон. По всем рассказам, она была святая, тигрица, маяк надежды для болящих и утешение для страждущих. Ее добрые дела стали легендарными в Бишоп-Лейси.

Но тем не менее...

Что-то в ее позе отдавало фальшью: неприятное слабосилие, оттенок безволия и усталого поражения, которые можно увидеть в лицах и телах жертв бомбардировок в военных выпусках «Пикчер пост». Но в жене викария?...

Все это промелькнуло у меня в мозгу, пока она шепотом проводила совещание с мужем. И затем, лишь мельком глянув внутрь, она ушла.

– Отлично, – сказал викарий, улыбаясь все шире по мере того, как медленно приближался к нам. – Похоже, Ингльби позвонили мне в ответ.

Ингльби, Гордон и Грейс, владели фермой «Голубятня», пестрой мешаниной из полей и старых лесов, раскинувшихся к северу и западу от Святого Танкреда.

– Гордон любезно предложил вам место для палатки – в низине на поле Джубили, чудесное местечко. Это на берегу реки, недалеко отсюда. В пешей доступности. У вас будет изобилие свежих яиц, тень несравненных ив и общество зимородков.

– Звучит прекрасно, – заметила Ниалла. – Райский уголок.

– Синтия говорит, что миссис Арчер тоже звонила. Но с этого фронта не столь радостные вести, боюсь. Берт уехал в Коули, на курсы на фабрике Морриса, и не вернется до завтрашнего вечера. Ваш фургон совсем не на ходу?

По обеспокоенному выражению лица викария я поняла, что он представляет себе картину фургона с надписью «Куклы Порсона», припаркованного у входа в церковь в воскресенье утром.

– Милю или две протянет, – сказал Руперт, внезапно появляясь из-за сцены. – Теперь, когда его разгрузили, ему проще будет ехать, а я буду осторожен.

Что-то промелькнуло у меня в мозгу, но я не уловила что.

– Великолпно, – сказал викарий. – Флавия, дорогая, ты не возражаешь против поездки? Покажешь им место.

²⁴ Оксфорды – туфли на шнурках, как правило мужские.

6

Разумеется, нам пришлось ехать длинной дорогой в объезд.

Если бы мы пошли пешком, это была бы прогулка в тени по каменной дорожке позади церкви, вдоль берега реки, через старый бечевник, отмечавший южную границу фермы Мальп-лакотов, и по ступенькам через забор на поле Джубили.

Но на транспорте, поскольку поблизости не было моста, до фермы «Голубятня» можно было добраться, только если ехать на запад к Хинли, затем милою на запад от Бишоп-Лейси и петлять вверх по крутому западному склону холма Джиббет по дороге, пыль которой сейчас вздымалась позади нас белыми волнами. Мы были на полпути к вершине, огибая лес Джиббет по тропинке настолько узкой, что окружающие ее изгороди царапали бока фургона.

– Не волнуйся о моих косточках, – заметила Ниалла, смеясь.

Мы с ней прижались друг к другу на переднем сиденье, словно червяки в банке рыбака. Руперт вел фургон, а Ниалла и я практически сидели одна у другой на коленях, обнявшись за плечи.

В карбюраторе «остина» то и дело что-то яростно взрывалось, в то время как Руперт, согласно некой древней тайной формуле, известной лишь ему, по очереди орудовал то воздушной заслонкой, то дросселем.

– Теперь об этих Ингльби! – крикнул он, перекрывая беспрестанный шум обратных вспышек. – Расскажи нам о них.

Ингльби – довольно угрюмые личности, предпочитавшие держаться особняком. Время от времени я видела Гордона Ингльби, подвозившего Грейс, свою миниатюрную кукольную жену, на деревенский рынок, где она, всегда одетая в черное, без особого энтузиазма продавала яйца и масло под полосатым тентом. Я знала, как все остальные в Бишоп-Лейси, что отшельничество Ингльби началось с трагической гибели их единственного ребенка Робина. До этого они были дружелюбными и общительными людьми, но с тех пор замкнулись в себе. Хотя прошло уже пять лет, деревня делала скидку на их горе.

– Они фермерствуют, – сказала я.

– А! – воскликнул Руперт, как будто я только что изложила в стихах всю историю семьи Ингльби со времен Вильяма Завоевателя.

Фургон взбрыкивал и дергался, пока мы взбирались все выше, и нам с Ниаллой пришлось упереться ладонями в торпеду, чтобы не стукаться головами.

– Мрачное старое место, – заметила она, кивнув на густой лес слева от нас. Даже редкие всплески солнца, сумевшие проникнуть сквозь густую листву, казалось, поглощаются темным миром древних стволов.

– Это лес Джиббет, – пояснила я. – Здесь поблизости когда-то была деревня Уапс-Хилл, думаю, века до восемнадцатого, но от нее ничего не осталось. На старом перекрестке в середине леса стояла виселица. Если пойти по этой тропинке, можно увидеть остатки брусков. Правда, они уже сгнили.

– Фу, – поморщилась Ниалла. – Нет, спасибо.

Я решила, что лучше не говорить ей, по крайней мере пока, что именно здесь в лесу Джиббет, нашли повешенного Робина Ингльби.

– Боже мой! – воскликнул Руперт. – Это еще что такое?

Он указывал на что-то, свисавшее с ветки дерева и шевелившееся на утреннем ветру.

– Здесь была Безумная Мэг, – сказала я. – Она собирает пустые банки и мусор вдоль дороги и развешивает все это на веревках. Ей нравятся блестящие штучки. Она как сорока.

Десертная тарелка, ржавая консервная банка из-под «Боврила»²⁵, обломок решетки радиатора и погнутая суповая ложка висели, словно гротескная готическая приманка для рыбы.

Руперт покачал головой и сосредоточился на заслонке и дросселе. Когда мы добрались до верхушки холма Джиббет, мотор издал особенно жуткий хлопок и с сосущим бульканьем издох. Фургон резко остановился, когда Руперт дернул за ручной тормоз.

По глубоким складкам на его лице я поняла, что он почти обессилел. Он ударил по рулю кулаками.

– Не говори этого, – сказала Ниалла. – Мы не одни.

На миг я подумала, что она имеет в виду меня, но ее палец указывал через лобовое стекло на обочину тропинки, откуда из глубин изгороди на нас уставилось мрачное, хмурое лицо.

– Это Безумная Мэг, – объяснила я. – Она живет где-то здесь, в лесу.

Когда Мэг торопливо прошла вдоль фургона, я почувствовала, как Ниалла отдернулась.

– Не волнуйтесь, она и правда совершенно безобидна.

Мэг, в лохмотьях из выцветшего черного бомбазина²⁶, казалась стервятником, которого торнадо засосал и выплюнул. Красная стеклянная вишенка весело болталась на ниточке на ее черной шляпе-горшке.

– Да, безобидна, – разговорчиво сказала Мэг в открытое окно. – Но есть те, кто мудр аки змей и безобиден аки голубь. Привет, Флавия.

– Это мои друзья, Мэг, Руперт и Ниалла.

Ввиду того, что мы были прижаты бок о бок в «остине», я подумала, что вполне могу называть Руперта по имени.

Мэг разглядывала Ниаллу. Протянула грязный палец и потрогала помаду на губах Ниаллы. Ниалла слегка отпрянула, но вежливо замаскировала это маленькой имитацией чиха.

– Это «Танджи», – весело сказала она. – Сценический красный. Меняет цвет, когда наносишь его на губы. Вот, попробуйте.

Это было великолепное представление, и я должна поставить ей высшую оценку за то, как она скрыла страх за дружелюбным и жизнерадостным поведением.

Мне пришлось слегка подвинуться, чтобы она могла выудить помаду из кармана. Когда она протянула ее, грязные пальцы Мэг выхватили золотой тюбик у нее из руки. Не отводя глаз от лица Ниаллы, Мэг намалевала широкие полосы на своих потрескавшихся и грязных губах, сжимая их, как будто пила через соломинку.

– Мило! – сказала Ниалла. – Великолепно!

Она снова полезла в карман и достала эмалевую коробочку с пудрой – изысканную вещицу из сверкающей оранжевой клуазонне²⁷ в форме бабочки. Открыла ее, демонстрируя крошечное круглое зеркальце в крышечке, и, быстро глянув на себя, подала пудру Мэг.

– Вот, посмотрите.

Во мгновение ока Мэг цапнула коробочку и принялась тщательно рассматривать себя в зеркале, с воодушевлением поворачивая голову из стороны в сторону. Удовлетворенная увиденным, она вознаградила нас широкой улыбкой, обнажившей черные провалы на месте нескольких выпавших зубов.

– Мило! – пробормотала она. – Превосходно! – И сунула оранжевую бабочку себе в карман.

– Эй! – Руперт попытался схватить ее, и Мэг изумленно отпрянула, как будто только что увидев его. Ее улыбка исчезла так же внезапно, как появилась.

²⁵ «Боврил» – густой соленый жидкий говяжий экстракт, изобретенный по заказу Наполеона III, прообраз нынешних бульонных кубиков.

²⁶ Бомбазин – плотная хлопчатобумажная ткань с начесом на одной стороне, мягкая, пушистая, хорошо сохраняет тепло.

²⁷ Клуазонне – перегородчатая эмаль.

– Я тебя знаю, – мрачно заявила она, уставившись на его эспаньолку. – Ты дьявол, да. Да, вот что было и случилось вновь: дьявол вернулся в лес Джиббет.

И с этими словами она отступила в изгородь и скрылась.

Руперт неуклюже выбрался из фургона и захлопнул дверь.

– Руперт, – окликнула Ниалла. Но, вместо того чтобы пойти в кусты следом за Мэг, как я было предположила, Руперт отошел на небольшое расстояние вперед по дороге, осмотрелся и медленно вернулся, взбивая ногами пыль.

– Это просто небольшой уклон, и от вершины холма мы на расстоянии броска камня, – сообщил он. – Если мы сможем дотолкать фургон всего лишь до того старого каштана, мы легко скатимся по дальней стороне. Может, даже снова заведемся. Тебе нравится рулить, Флавия?

Хотя я провела много часов в старом «фантоме II» Харриет в нашем сарае, я всегда там либо размышляла, либо пряталась. Я никогда не управляла движущимся автомобилем. Хотя на первый взгляд эта идея не была непривлекательной, я быстро осознала, что у меня нет особого желания, потеряв управление, с грохотом нестись по восточному склону холма Джиббет и пострадать посреди живописного пейзажа.

– Нет, – сказала я. – Может быть, Ниалла...

– Ниалла не любит водить, – отрезал он.

Я сразу же поняла, что попала впросак, так сказать. Предложив Ниалле рулить, я в то же время предположила, что Руперт пошевелит своим задом и будет толкать – с парализованной ногой и все такое.

– Что я имела в виду, – сказала я, – так это то, что вы, вероятно, единственный из нас, кто может снова завести двигатель.

Старый трюк: польсти мужскому тщеславию, и я возгордилась, что вспомнила о нем.

– Верно, – согласился он, снова забираясь на водительское сиденье.

Ниалла выбралась наружу, и я следом за ней. От мыслей, которые у меня могли появиться насчет разумности того, чтобы женщина в ее положении толкала фургон вверх по холму в такую жару, я немедленно отмахнулась. И кроме того, вряд ли я могла затронуть эту тему.

Как молния, Ниалла бросилась за фургон и прижалась спиной к задней двери, воспользовавшись своими сильными ногами, чтобы толкать.

– Сними фургон с ручника, черт возьми, Руперт! – крикнула она.

Я заняла позицию рядом с ней и изо всех сил, которые во мне имелись, уперлась ногами и толкнула.

Чудо из чудес, бестолковая штукавина тронулась с места. Может, потому, что кукольные причиндалы выгрузили в приходской зал, значительно облегченный фургон вскоре пополз, медленно, как улитка, но непреклонно, к вершине холма. Как только мы стронулись с места, мы повернулись и уперлись ладонями.

Фургон полностью остановился только один раз, и это было, когда Руперт отпустил сцепление и включил зажигание. Глушитель выстрелил огромным облаком черного дыма, и, даже не глядя вниз, я поняла, что мне придется объяснять отцу, как я угробила очередную пару белых носков.

– Не отпускай сцепление сейчас! – завопила Ниалла. – Подожди, пока мы доберемся до вершины! – И она прошептала мне: – Мужчины! Мужчины и их чертовы выхлопные газы.

Десять минут спустя мы были на гребне холма Джиббет. В отдалении к реке спускалось поле Джубили – аккуратно разворачивающийся ковер из льна настолько интенсивного цвета электрик, что Ван Гог разрыдался бы при виде его.

– Еще одно усилие, – заметила Ниалла, – и мы почти у цели.

Мы стонали и ворчали, толкали и давили горячий металл, и вдруг, как будто став невесомым, фургон начал двигаться сам по себе. Мы добрались до спуска с холма.

– Быстро! Прыгаем внутрь! – сказала Ниалла, и мы побежали вдоль фургона, набиравшего скорость и подпрыгивавшего по изрезанной колеями дороге.

Мы запрыгнули на подножку движущейся машины, и Ниалла открыла дверь. Через секунду мы повалились друг на друга на сиденье, в то время как Руперт манипулировал управлением двигателя. На полпути вниз, когда мотор наконец завелся, фургон тревожно затарахтел глушителем, перед тем как нездорово закашляться. У подножия холма Руперт тронул тормоз, и мы аккуратно выкатились на дорожку, ведущую к ферме «Голубятня».

Перегревшись от своих упражнений, «остин» фырчал и дымился, словно протекающий чайник на ферме, в сущности, забытый. По моему опыту, когда бы вы ни приехали на ферму, всегда кто-то выходит из амбара приветствовать вас, вытирая масляные руки, и кричит женщине с корзинкой яиц испечь сконы²⁸ и поставить чай. По меньшей мере должна быть хотя бы лающая собака.

Хотя в поле зрения не было свиней, покосившийся свинарник в ряду разваливающихся сараев весь зарос крапивой. Позади него башенкой высилась голубятня. Бадьи из-под молока в ассортименте, все ржавые, были разбросаны по двору, и одинокая наседка вяло клевала зерно, поглядывая на нас настороженным желтым глазом.

Руперт выбрался из фургона и громко хлопнул дверью.

– Ау! – окликнул он. – Есть кто-нибудь?

Ответа не было. Он прошел мимо старого чурбана для рубки дров к задней двери дома и громоподобно постучал кулаком.

– Ау! Кто-нибудь дома?

Он сложил ладони домиком, всматриваясь в запачканное сажей окно того, что некогда, вероятно, служило кладовой, затем махнул нам выходить из фургона.

– Странно, – прошептал он. – Кто-то стоит посреди комнаты. Я вижу его очертания на фоне дальнего окна. – Он еще несколько раз постучал в дверь погромче.

– Мистер Ингльби! – позвала я. – Мистер Ингльби, это я, Флавия де Люс. Я привела людей из церкви.

Повисло длительное молчание, затем мы услышали топот тяжелых ботинок по деревянному полу. Скрипнула, открываясь, дверь в темное помещение, и на пороге, моргая, показался высокий блондин в комбинезоне.

Никогда в жизни его не видела.

– Я Флавия де Люс, – сказала я, – из Букшоу. – Я помахала рукой приблизительно в том направлении, на юго-восток. – Викарий попросил меня показать этим людям дорогу на ферму «Голубятня».

Блондин вышел во двор, существенно согнувшись, чтобы пройти сквозь низкий дверной проем и не удариться головой. Он был, как описала бы Фели, «неприлично красив»: высоченный нордический бог. Когда этот светловолосый Зигфрид повернулся, чтобы аккуратно прикрыть за собой дверь, я увидела на спине его комбинезона большой выцветший красный круг.

Значит, он военнопленный.

Мои мысли сразу же метнулись к деревянному чурбану и отсутствующему топору. Он порубил Ингльби на части и сложил вместо дров в кухонную печь?

Что за нелепое предположение! Война закончилась пять лет назад, и я видела Ингльби, во всяком случае Грейс, не далее как на прошлой неделе.

Кроме того, я уже знала, что немецкие военнопленные не особенно опасны. Первый раз я их увидела во время первого похода в кинотеатр «Палас» в Хинли. Когда пленных в синих

²⁸ Скон – английская ячменная или пшеничная лепешка.

куртках в сопровождении вооруженной охраны провели в зал и рассадили, Даффи толкнула меня локтем и показала на них.

«Враги!» – прошептала она.

Когда свет погас и начался фильм, Фели наклонилась ко мне и сказала: «Только представь, ты сидишь с ними в темноте два часа. Одна... если Даффи и я пойдем за сладостями».

Показывали фильм «Где мы служим», и я не могла не заметить, что когда корабль ее величества «Торрин» в Средиземном море потопили пикирующие бомбардировщики люфтваффе, хотя пленные не аплодировали в открытую, они все же улыбались.

«С пленными немцами нельзя обращаться бесчеловечно, – сказал нам отец, когда мы вернулись домой, цитируя то, что слышал по радио: – Но им надо очень ясно продемонстрировать, что мы считаем их, офицеров и солдат, изгоями в обществе приличных людей».

Хотя я уважала слова отца, по крайней мере в принципе, было ясно, что человек, встретивший нас на ферме «Голубятня», не изгой, даже при самом буйном воображении.

Спустя пять лет после наступления мира он мог носить свой комбинезон с мишенью только из гордости.

– Позвольте представиться, я Дитер Шранц, – сказал он с широкой улыбкой, пожимая руки каждому из нас, начиная с Нияллы. Только по этим пяти словам я уже определила, что он говорит почти на идеальном английском. Он даже произнес свое имя так, как это бы сделал англичанин, с твердыми *p* и *c* и без неприятного рычания в произношении фамилии.

– Викарий сказал, что вы должны приехать.

– Чертов фургон сломался, – сказал Руперт, махнув головой в сторону «остина», как мне показалось, с некоторой долей агрессии. Как будто он...

Дитер улыбнулся.

– Не беспокойтесь, я помогу вам доставить его до поля Джубили, где вас расквартируют, дружище.

Дружище? Дитер явно живет в Англии довольно долго.

– Миссис Ингльби дома? – спросила я. Я подумала, что будет хорошо, если Ниялле предоставят доступ к удобствам до того, как ей придется просить об этом.

Облачко пробежало по лицу Дитера.

– Гордон уехал куда-то в лес, – сказал он, указывая на холм Джиббет. – Он любит работать один большую часть времени. Сейчас он должен спуститься, чтобы помочь Салли на лугу. Мы увидим их, когда доставим ваш автобус к реке.

Салли – это Салли Стру, член «Сельскохозяйственной женской армии»²⁹, или «земельная девушка», как их называли, она работала на ферме «Голубятня» со времен войны.

– Ладно, – сказала я. – Привет! Это Клещ и Сорока.

Двое пестрых котов миссис Ингльби неторопливо вышли из амбара, зевая и потягиваясь на солнце. Она часто брала их с собой за компанию на рынок, как поступала с некоторыми из своих животных, включая, время от времени, свою любимицу гусыню Матильду.

«Клещ, – она однажды проинформировала меня, когда я поинтересовалась их именами, – потому что у него есть клещи. А Сорока болтает без умолку».

Сорока шла прямо ко мне, уже приступив к кошачьей беседе. Клещ в это время направлялся к голубятне, мрачно возвышавшейся сзади над нагромождением разваливающихся сараев.

– Вы идите вперед, – сказала я. – Я приду на поле через несколько минут.

Я взяла Сороку на руки.

²⁹ «Сельскохозяйственная женская армия» – британская гражданская организация, созданная между Первой и Второй мировыми войнами, чтобы заменить в сельском хозяйстве мужчин, призванных в вооруженные силы.

– Как поживает наша хорошенькая киска? – заворковала я, уголком глаза наблюдая, поверил ли мне кто-нибудь. Я знала, что кошка не поверила, она сразу же начала изворачиваться.

Но Руперт и Ниалла уже погрузились в фургон, стоявший во дворе, до сих пор подергиваясь. Дитер подтолкнул его и вскочил на подножку, и через секунду, подпрыгивая, они вырулили со двора на дорожку, ведущую вниз по склону на поле Джубили и к реке. Негромкий взрыв глушителя подтвердил их отбытие.

Как только они скрылись из виду, я опустила Сороку на пыльную землю.

– Где Клещ? – спросила я. – Найди его.

Сорока продолжила свой длинный кошачий монолог и двинулась к голубятне.

Не приходится говорить, что я последовала за ней.

7

Голубятня представляла собой произведение искусства. По-другому не скажешь, и я совершенно не удивлюсь, если услышу, что «Национальный Трест»³⁰ положил на нее глаз.

Именно от этого выдающегося образчика архитектуры ферма «Голубятня» получила свое название. Это высокая круглая башня из древних кирпичей оттенка увядшей розы, но при этом среди них нет двух одинаковых. Построенная в эпоху королевы Анны, некогда она использовалась для разведения голубей к фермерскому столу. В те дни ножки маленьких голубей ломали, чтобы они оставались в гнездах и толстели (этот факт почерпнут из кухонной болтовни миссис Мюллет). Но времена изменились. Гордон Ингльби был алчным любителем голубей, и птиц, обитавших в башне в этом столетии, скорее пестовали, чем окунали в кипяток. По уикендам он отправлял их железной дорогой куда-то в отдаленные места Англии, где их отпускали, и они сразу же летели обратно на ферму «Голубятня». Здесь их встречали тиканье замысловатых механических часов, много ласки и нежных слов и изобилие зерна.

Во всяком случае, так шли дела, пока крошку Робина Ингльби не нашли повешенным за шею на виселице в лесу Джиббет. С тех пор, за исключением нескольких диких экземпляров, на ферме «Голубятня» больше не осталось голубей.

Бедняжка Робин, он был моим ровесником, и мне было трудно поверить, что кто-то настолько юный может на самом деле умереть. Тем не менее это факт.

В деревне чем больше замалчивают, тем больше слухов ходит, и я помнила тайные разговоры, захватившие в то время Бишоп-Лейси, накатывавшиеся, словно прилив на деревянный пирс.

«Говорят, малыш Робин покончил с собой». «Робина Ингльби убили его родители». «Паренька прикончили сатанисты. Помяните мои слова...»

Большинство этих предположений доносились ко мне со слов миссис Мюллет, и сейчас я думала о них, приближаясь к башне и изумленно разглядывая множество отверстий в ней.

Подобно монаху, который именовался лектором в средневековых монастырях, Даффи часто читала нам вслух за едой. Недавно нас угощали описаниями из книги Генри Сэвиджа Лэндора³¹ «Через земли обетованные» – башен молчания в Персии, на вершинах которых парсы³² хоронили своих умерших в положении сидя, подпирая палкой подбородок, чтобы сохранить вертикальное положение. Когда вороны, бранясь, собирались над телом, считалось билетом в рай, если сначала выклевывали правый глаз. Если левый – это было не настолько благоприятным.

Я не могла не думать сейчас об этом и о рассказе автора о любопытных круглых голубиных башнях Персии, в центре которых располагалась глубокая яма для сбора гуано, производство которого было единственной причиной для разведения птиц.

Может ли существовать, задумалась я, некая странная связь между башнями, птицами, смертью и разложением? Когда я на миг остановилась поразмышлять на эту тему, из башни донесся специфический звук.

Сначала я приняла его за клекотание и перекличку голубей высоко над моей головой. Или это ветер?

³⁰ «Национальный трест» – организация по защите и охране природных и культурных памятников в Англии, Уэльсе и Северной Ирландии.

³¹ Генри Сэвидж Лэндор (1865–1924) – известный английский путешественник и художник, прославившийся путешествиями по экзотическим странам. Он бывал в Персии, России, Японии, Корее, Тибете, Китае, Африке и т. д.

³² Парсы – этноконфессиональная группа последователей зороастризма иранского происхождения, обитающая в Южной Азии.

Звук казался слишком монотонным для того или другого, усиливаясь и затихая, словно призрачная авиационная сирена, почти на грани слышимости.

Покосившаяся деревянная дверь была приоткрыта, и я обнаружила, что легко могу пройти в пустую середину башни. Сорока потерлась о мои щиколотки и скрылась в темноте в поисках мышей.

Сильное зловоние этого места ударило меня по лицу: безошибочный химический запах голубинового помета, из которого великий Хамфри Дейви путем дистилляции выделил углекислую соль аммиака с осадком карбоната извести и поваренной соли, открытие, которое я как-то подтвердила опытом в своей химической лаборатории в Букшоу.

Высоко над моей головой бесчисленные лучи солнца, проникавшие сквозь отверстия, испещряли изогнутые стены пятнами желтого света. Как будто я вступила в дуршлаг, через который какой-то гигант процеживал бульон.

Здесь, внутри, звук шагов был еще громче – водоворот шума, усиленного закругляющимися стенами, центром которого была я. Я не смогла никого дозваться, даже если б осмелилась.

В середине помещения, насаженные на древний столб, были передвижные леса, что-то вроде библиотечной лестницы, должно быть, когда-то это приспособление использовали, чтобы подниматься под купол к птичкам.

Эта штука ужасающе застонала, когда я ступила на нее.

Я поднималась вверх дюйм за дюймом, цепляясь за жизнь, расставив руки и ноги и делая невозможно гигантские шаги с одной поперечины на другую. Я взглянула вниз только один раз, и у меня закружилась голова.

Чем выше я взбиралась, тем громче становился причитающий звук, его эхо сливалось в хор голосов, казалось, объединившийся в каком-то безумном высоком плаче.

Надо мной, слева, находилось сводчатое отверстие, выходившее в нишу, бóльшую, чем остальные. Поднявшись на цыпочки и ухватившись за каменный выступ, я смогла подтянуться вверх до того, что мои глаза оказались на уровне пола этого грота.

Внутри, спиной ко мне, на коленях стояла женщина. Она пела. Ее тонкий голос отражался от кирпичей и кружился вокруг моей головы:

*The robin's gone afloat.
The wind that rocks him to and fro
With a soft cradle-song and slow
Pleases him in the ebb and flow,
Rocking him in a boat³³.*

Миссис Ингльби!

Перед ней на перевернутой коробке горела свеча, добавляя запах дыма к удушающей жаре маленькой каменной пещерки. Справа стояла черно-белая фотография ребенка – ее мертвого сына Робина, счастливо улыбавшегося в камеру, с гривой светлых волос, выгоревших почти добела на солнце давно минувших летних дней. Слева, на боку, словно ее вытащили на пляж, чтобы почистить от налипшей грязи, лежала игрушечная лодка.

Я задержала дыхание. Она не должна знать, что я здесь. Я медленно спущусь и...

Мои ноги задрожали. Мне особо не за что было зацепиться, и кожаные подметки плохо держались на разрушающейся деревянной перекладине. Когда я начала соскальзывать назад, миссис Ингльби снова завела свой плач, на этот раз другую песню и, странно, другим голосом: грубым, хулиганским, пиратским бульканьем:

³³ Дрозд уплыл. Ветер, укачивавший его Нежной колыбельной, медленно, Радует его приливом и отливом, Укачивая его в лодке. Стихи Кэтрин Тайнон

So, though bold Robin's gone,
Yet his heart lives on,
And we drink to him with three times three³⁴.

И она издала жуткий гнусавый смешок.

Я снова поднялась на цыпочки, как раз вовремя, чтобы увидеть, как она вынимает пробку из высокой прозрачной бутылки и делает быстрый резкий глоток.

С длинным вздохом, содрогнувшись, она засунула бутылку под кучу соломы и зажгла новую свечу от слабого огонька той, что уже догорала. Капая воском, она поставила ее рядом с ее использованной компаньонкой.

Теперь она затянула новую песню, на этот раз более минорную; пела медленнее, как будто это зауспокойная месса, произнося каждое слово с ужасной, преувеличенной отчетливостью:

Robin-Bad-fellow, wanting such a supper,
Shall have his breakfast with a rope and butter
To which let all his fellows be invited
That with such deeds of darkness are delighted³⁵.

Веревка и масло? Темные делишки?

Я вдруг осознала, что у меня волосы встали дыбом, как произошло, когда Фели провела черной эбонитовой расческой по своему кашемировому свитеру и затем поднесла ее к моему затылку. Но пока я пыталась прикинуть, как быстро сумею спуститься по деревянным лесам и убежать, женщина проговорила:

– Входи, Флавия. Входи и присоединяйся к моему маленькому реквиему.

Реквиему? – подумала я. *Я действительно хочу вскарабкаться в каменную клетку к женщине, которая в лучшем случае слегка пьяна, а в худшем – маньячка с манией убийства?*

Я подтянулась внутрь во мрак.

Когда мои глаза привыкли к свету свечей, я увидела, что она одета в белую хлопчатобумажную блузку с короткими пышными рукавами и по-крестьянски глубоким вырезом. С иссиня-черными волосами и яркой широкой юбкой в складку ее легко можно было принять за гадалку-цыганку.

– Робин покинул нас, – сказала она.

Эти три слова чуть не разбили мое сердце. Как остальные в Бишоп-Лейси, я всегда думала, что Грейс Инглиби живет в собственном изолированном мире, мире, где Робин все еще играет на грязном дворе, преследуя наседок от забора до забора и время от времени забега на кухню выпросить конфету.

Но это неправда: она стояла, как и я, рядом с маленьким надгробием на церковном кладбище Святого Танкреда и читала простую надпись: «Робин Теннисон Инглиби, 1939–1945, покойся с Богом».

– Робина больше нет, – снова сказала она, и теперь это прозвучало словно стон.

– Да, – ответила я, – я знаю.

Частицы пыли парили, словно крошечные миры, в тонких лучах солнечного света, пронизывавших темноту помещения. Я уселась на солому.

³⁴ Итак, хотя смелый Робин покинул нас,Его сердце продолжает жить,И мы выпьем за него три раза по три.Автор неизвестен

³⁵ Робин Плохой парень, так хотевший поужинать,Получит завтрак с веревкой и маслом,На который пригласим всех его друзей,Радующихся таким темным делишкам.Английская народная баллада

Стоило мне это сделать, как голубь сорвался из гнезда и вылетел сквозь маленькое сводчатое окно. У меня чуть сердце не остановилось. Я думала, голубей давно нет, и чуть не села на глупое создание.

– Я повезла его на берег моря, – продолжала Грейс, поглаживая лодочку и не обратив внимания на птицу. – Робин любил море, видишь ли.

Я подтянула колени под подбородок и обвила ноги руками.

– Он играл в песке. Построил песчаный замок.

Повисло долгое молчание, и я увидела, что она уплыла куда-то в своих мыслях.

– У вас есть мороженое? – спросила я, как будто это самый важный вопрос в мире. Я не могла думать больше ни о чем.

– Мороженое? – Она кивнула. – Оно продавалось в бумажных стаканчиках... маленьких заостренных бумажных стаканчиках. Мы хотели ванильное – мы оба любили ванильное, Робин и я. Забавно, хотя... – Она вздохнула. – Когда мы ели его, чувствовался привкус шоколада... как будто они плохо сполоснули ложку.

Я кивнула с умным видом.

– Такое иногда случается, – заметила я.

Она протянула руку и снова коснулась кораблика, проведя пальцами по его гладкому раскрашенному корпусу. И затем задула свечу.

Мы немного посидели в молчании посреди капелек света, просачивавшегося в красную кирпичную пещеру. *Должно быть, так выглядит утроба*, подумала я.

Горячо. В ожидании чего-то, что должно случиться.

– Зачем ты здесь? – наконец спросила она. Я заметила, что она больше не глотала звуки так, как раньше.

– Викарий прислал пару человек разбить лагерь на поле Джубили. Попросил меня показать им дорогу.

Она сдвинула мою руку.

– Гордон знает? – требовательно спросила она.

– Думаю, да, – ответила я. – Он сказал викарию, чтобы они обосновались в конце тропинки.

– В конце тропинки... – Она издала длинный медленный вздох. – Да, это будет хорошо, не так ли?

– Это странствующий кукольный театр, – сказала я. – «Куклы Порсона». Они ставят спектакль в субботу. Викарий их попросил. Их фургон сломался, понимаете, и... – Меня охватил внезапный приступ вдохновения. – Почему бы вам не прийти? – предложила я. – Вся деревня будет там. Вы могли бы сесть рядом со мной и...

Миссис Ингльби в ужасе уставилась на меня.

– Нет! – сказала она. – Нет! Я не могу.

– Возможно, вы и мистер Ингльби придете вместе и...

– Нет!

Она вскочила на ноги, подняв густое облако пыли, и несколько секунд, пока оно не улеглось, мы не шевелились, словно фигурки в стеклянном шаре.

– Тебе лучше уйти, – внезапно сказала она хриплым голосом. – Пожалуйста, уходи.

Не говоря ни слова, я на ощупь пробралась к отверстию, глаза слезились от пыли. С удивительной легкостью я спустилась на деревянную перекладину и продолжила длинный путь вниз.

Должна признаться, что мне в голову пришла мысль о Джеке и бобовом зернышке.

Двор фермы был пуст. Дитер ушел к реке вместе с Рупертом и Ниаллой, сейчас они, должно быть, уже разбили лагерь. Если мне повезет, я как раз успею на чашку чаю. У меня было такое ощущение, будто я была на ногах всю ночь.

Который час, кстати?

Господи, ослепи меня вилкой для рыбы! Поезд тети Фелисити прибывает в пять минут одиннадцатого, и я совершенно забыла о ней! Отец отдаст мои кишки на подвязки!

Даже если тетушка Фелисити еще не дымится на платформе с пеной у рта, каким же образом я попаду в Доддингсли? От фермы «Голубятня» это добрых шесть миль птичьего полета, а у меня, насколько я знаю, крылья пока не отросли.

Я неслась по тропинке, размахивая руками, словно мельница, как будто это могло добавить мне скорости. К счастью, дорога все время шла под гору, и внизу я видела фургон Руперта, припаркованный под ивами.

Дитер открыл капот «остина» и копался в его внутренностях. Ниалла развешивала рубашку на кустах для просушки. Гордона Ингльби нигде не было видно, Салли Строу тоже.

– Первый шанс вырваться на солнышко, который мне подвернулся, – сообщила мне Ниалла. – Дитер занимается мотором. Что тебя так задержало?

– Который час? – взмолилась я.

– Откуда мне знать, – ответила она. – Только у Руперта есть часы, а он куда-то ушел.

Как он вечно делает. В действительности она не произнесла эти слова, но подтекст был так ясен, словно она прокричала это с верхушки Биг-Бена.

– Дитер? – позвала я.

Дитер покачал головой.

– Извините. Мне так долго запрещалось иметь часы...

– Простите, – перебила его я, – но мне надо встретить поезд.

Не успели они ответить, как я уже неслась по бечевнику на полной скорости. Легкая пробежка вдоль старой насыпи, окаймлявшей южный край поля Джубили, – и, удивительно, через несколько минут я уже прыгала по каменной дорожке к церковному кладбищу.

Часы на церковной башне показывали двадцать минут четвертого, что было невозможно. Чертова штука, вероятно, остановилась еще во времена правления Генриха VIII, и никому не было дела до того, чтобы снова ее завести.

«Глэдис», мой верный бойскаут, была точно на том месте, где я оставила ее, рядом с приходским залом. Я рванула в Букшоу.

Когда я проезжала угол Спиндл-лейн, часы, вмонтированные в стену «Тринадцати селезней», показали, что сейчас либо полдень, либо полночь. Боюсь, что я не сдержала ругательства.

Выехав из деревни, я летела как ветер на юго-запад к Букшоу, пока не достигла Малфордских ворот, где меня ждал Кларенс Мунди, опираясь на крыло автомобиля и жадно затягиваясь сигаретой. Судя по снегопаду окурков на дороге, это явно была не первая.

– Привет, Кларенс, – поздоровалась я. – Который час?

– Десять сотен часов, – ответил он, глянув на затейливые военные наручные часы. – Скорее садись.

Он включил сцепление, пока я усаживалась, и мы рванули, как ракета.

Пока мы неслись по дорогам вдоль изгородей, Кларенс работал с рычагом переключения скоростей, словно заклинатель змей с упрямой коброй, каждые несколько секунд сжимая головку рычага и переводя ее в новое положение. За окном пейзаж превращался во все ускоряющееся расплывчатое зеленое пятно, пока мне не захотелось крикнуть: «Ура!», но я сдержалась.

Во время войны Кларенс управлял гигантскими аэропланами «Сандерленд», бесконечно патрулируя обширную Атлантику в поисках немецких подводных лодок, и, когда мы практически летели между теснящимися изгородями, он, кажется, все еще представлял, что управляет

одним из этих бегемотов. В любой момент, думала я, он может наклонить руль на себя, и мы поднимемся в воздух. Возможно, на пути в летнее небо мы даже заметим Харриет.

До того как выйти замуж за отца, Харриет пилотировала свой собственный хэвилендовский двухместный самолет, который она назвала «Голубым призраком», и я иногда представляла, как она летит одна в солнечном свете, ныряя в облака и выныривая из них, в компании одного лишь ветра.

Кларенс затормозил юзом у одного края платформы Доддингсли в тот момент, когда поезд приблизился к другому.

– Пять минут одиннадцатого, – сказал он, взглянув на часы. – Минута в минуту.

Как я и предвидела, первым пассажиром, вышедшим из вагона, оказалась тетушка Фелисити. Несмотря на жару, она была одета в длинную светлую автомобильную куртку и большой шлем от солнца, завязанный под подбородком широкой голубой лентой. Разные предметы топорщились от нее во всех направлениях: шляпные булавки, ручки зонтов, свернутые в трубочку журналы, газеты, трости-сиденья и тому подобное. Она напоминала ходячее птичье гнездо или, скорее, передвижной стог сена.

– Возьми мой багаж, Кларенс, – сказала она, – и осторожнее с крокодилом.

– С крокодилом? – уточнил Кларенс, подняв брови.

– С сумкой, – пояснила тетя Фелисити. – Новой, из «Хэрродс», и я не хочу, чтобы ее испортил неуклюжий сельский житель на какой-то забытой богом железнодорожной станции. Флавия, – добавила она, – ты можешь понести мою грелку.

8

Доггер встретил нас у парадного входа. Он выудил тряпичный кошелек для монет из кармана и вопросительно поднял брови в адрес Кларенса.

– Два шиллинга, – сказал Кларенс, – дорога туда и обратно плюс ожидание.

Пока Доггер отсчитывал деньги, тетушка Фелисити откинулась назад, рассматривая фасад дома.

– Шокирует, – заметила она. – Это место становится все более запущенным прямо на глазах.

Я не была в настроении говорить ей, что, когда дело касается расходов, отец заходит в тупик. Дом принадлежал Харриет, которая умерла молодой, неожиданно, не позаботившись оставить завещание. Теперь, из-за того, что отец именовал «затруднениями», маловероятно, что мы сможем еще долго оставаться в Букшоу.

– Отнеси сумки в мою комнату, Доггер, – распорядилась тетушка Фелисити, возвращая взор на землю, – и осторожно с крокодилом.

– Да, мисс Фелисити, – сказал Доггер, уже взяв по ивовой корзине под мышки и по чемодану в каждую руку. – «Хэрродс», полагаю.

– Тетя Фелисити приехала, – сказала я, проскользнув на кухню. – Почему-то мне не очень хочется есть. Думаю, я сделаю себе сэндвич с латуком и перекушу в комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.